

Арина Ларина

Принц Б/у

С улыбкой
о любви

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Принц б/у

«ЭКСМО»

2011

Ларина А.

Принц б/у / А. Ларина — «Эксмо», 2011 — (С улыбкой о любви)

Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то к сердцу женщины – через загс. Поймав первый заинтересованный взгляд кавалера, наивная девушка уже прикидывает, какого фасона будет свадебное платье и какого цвета глазки у будущих малюток. Маргарита тоже была такой наивной девушкой, и эта наивность дорого ей обошлась – Прекрасный Принц оказался обманщиком, ее сердце он завоевывать и не собирался, да и рождение малюток в его планы не входило. И вот изрядно потрепанный жизнью Принц через много лет вновь оказался на ее пути. Теперь-то уж ему не отступить на заранее подготовленные позиции – Маргарита не откажет себе в удовольствии отомстить по полной программе.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Арина Ларина

Принц б/у

Часть первая

Маргоша сидела на подоконнике, на всякий случай слегка прикрывшись занавеской, и напряженно смотрела вниз. С высоты шестого этажа люди казались гномами, суетливо перемещающимися по неровной ленте усеянного лужами асфальта. Они высыпались горохом из автобусов и троллейбусов, важно причаливавших к остановке, и раскатывались в разные стороны. Николай опаздывал, а терпение Маргоши, влившейся в процесс ожидания за полчаса до назначенного срока, уже стало похожим на детский воздушный шарик, находящийся в раздумьях: лопнуть прямо сейчас, оглушительно хлопнув, или не портить праздник, дотерпеть, а потом тихо сдуться где-нибудь в темном углу.

Родители отбыли на дачу еще вчера, завалив нетерпеливо подпрыгивающую в коридоре дочь педагогическими историями, начиная от вдумчивых жизненных рассказов о пожарах, грабежах и прочих безрадостных перспективах шумных застолий до испытующе-безнадежных вопросов из серии «ну ты же умная девочка, без глупостей обойдешься?». Маргоша кивала так, что заболела шея. Конечно, она умная девочка, а еще она знает про теорию относительности, из которой следует: не все, что родители считают глупостями, таковыми является. Но если вступить с мамой в философскую дискуссию, то любимые предки никогда не уедут на грядки. Поэтому послушная дочь, скромно потупив глазки, утешила нерешительно переминавшуюся в дверях родительницу, сообщив, что на день рождения планируется девичник.

Светлана Федоровна изогнулась и все-таки поймала напоследок ускользающий взгляд дочери: Маргоша мгновенно распахнула огромные голубые глаза и напустила в них дополнительной честности. Мама поверила и наконец закрыла за собой дверь.

Рита пронзительно взвизгнула, проскакала галопом по опустевшей квартире, подурачилась перед зеркалом и упала на диван. Пора было начинать готовиться к глупостям.

На следующий день Маргарите Завьяловой исполнялось восемнадцать лет. На дворе стояли консервативные восьмидесятые годы, поэтому максимальной глупостью, на которую оказалась способна студентка первого курса, воспитанная в приличной семье, стал вечер вдвоем с кавалером. Именно вечер, а не ночь, поскольку ночь в понимании Маргоши могла быть только брачной. Она была уверена, что и ее кавалер думает так же.

– Ха-ха! – прокомментировала ее невинные рассуждения Татьяна, самая близкая и авторитетная подруга.

В отличие от избалованной и неприспособленной Маргоши Таня с самого первого дня боролась за выживание, поэтому к восемнадцати годам житейской мудрости в ней накопилось на все шестьдесят. Девочки познакомились в первом классе и с тех пор не расставались. Они были не просто разными, а противоположностями во всем – во внешности, характере и жизненных установках, но это не мешало их дружбе.

Полная крупная Татьяна с толстой светло-русой косой казалась старшей сестрой маленькой худенькой Маргоши, смоляные волосы которой едва прикрывали тощенькую детскую шейку. Рита была домашней девочкой, над ней тряслись две бабушки, поэтому гуляли подруги под ее окнами: покидать двор девочке категорически запрещалось, и Таня приходила туда сама. За ней никто не следил, не волновался, не проверял уроки, тем не менее она была по успеваемости одной из лучших, платье у нее всегда было чистым и отглаженным, и никто

в классе, включая и ее ближайшую подругу Маргошу, не подозревал, в каких условиях растет активистка и душа компании.

С раннего детства Таня Соколова знала, что изможденная, вечно пьяная женщина, забиравшая ее из садика только на выходные, ее мама. А еще она знала, что в садике лучше: там кормят и не бьют. Таню жалели все: воспитатели, соседи, знакомые, но она ненавидела их за это. Когда Таня пошла в школу, то твердо решила, что у нее начнется новая жизнь. Все лето она работала на огороде у Анфисы Максимовны, старушки-соседки, которая в благодарность кормила девочку, иногда оставляла у себя ночевать и ходила на собрания, представляясь бабушкой. Таня очень боялась, что в школе узнают о том, какая у нее мать. Но там так ничего и не узнали. Единственным человеком, кому Таня доверила свою тайну, стала Маргоша.

Если бы было возможно, то Татьяна и от нее скрыла бы постыдные детали своей биографии, но Завьялова вдруг сообразила, что еще ни разу не была у подруги дома. Начался разговор с обсуждения дней рождений, а затем плавно перетек к тому, что Таня этот замечательный день, когда дарят подарки, пекут торт и зовут гостей, почему-то игнорирует.

– Почему ты меня ни разу к себе на праздник не позвала? – неожиданно надула губы девятилетняя Маргоша. – Если мы подруги, то почему я тебя зову, а ты меня нет?

Вопрос стоял ребром, и увернуться от объяснений не представлялось возможным. То, что рассказала о себе Таня, предварительно взяв с ошарашенно хлопающей глазами Маргоши страшную клятву молчать, походило на нелепую выдумку. Рита категорически не поверила и обиделась еще больше. Во времена, когда в стране строили социализм, пели жизнеутверждающие песни и ходили строем на демонстрации, все были счастливы, никто не мог жить в деревянном тухляком доме без отопления, канализации и горячей воды да еще с постоянно пьяной матерью. Такое бывало только в сказках, однако в результате на Золушках женились принцы, а халупы менялись на дворцы. Поняв, что выросшая словно пион в оранжерее Маргоша не поверит, пока сама не увидит, Таня впервые подтолкнула ее на обман бабушек, отпросив подругу сбежать за мороженым, после чего они рысью понеслись в поселок за железной дорогой.

С того дня Маргоша притихла, борясь с желанием посоветоваться с мамой и обсудить увиденное.

Но это была первая клятва, которую беззаботная и безалаберная Риточка сдержала: она никому не рассказала о том, что узнала про Таню. Более того, она впервые увидела крошечный кусочек изнанки жизни. Таня стала для Маргоши непререкаемым авторитетом во всем. И именно ей Риточка доверила тайну своей первой любви.

С Николаем она познакомилась в автобусе. Вернее, даже не в автобусе, а еще на остановке. Жаркий май вытапливал из головы последние знания, с трудом удерживавшиеся к концу года, а впереди маячила летняя сессия. Мысль о ней вызывала тягостное нытье в желудке и легкую головную боль, перемешанную с раздражением. Теплый ветер играл легким Маргошиным сарафанчиком, лохматил короткую модную стрижку «под пажа» и шуршал пакетом, в котором унылыми кирпичами лежали взятые в библиотеке учебники. Лицо у Маргоши было такое, словно этот пакет следовало надеть на шею и идти топиться.

– Девушка, отчего печаль? Жизнь прекрасна! Неужели вы не замечаете?

В другой день она, вероятно, и обрадовалась бы вниманию высокого симпатичного блондина, но в тот вечер на флирт у нее просто не было сил. Маргоша криво улыбнулась и повернулась к юноше боком, демонстрируя абсолютное нежелание продолжать беседу. Она была хорошенькой, недостатка в комплиментах и кавалерах, их озвучивающих, не испытывала, поэтому вполне могла позволить себе одного из них проигнорировать. Сначала необходимо закончить хотя бы первый курс, а уж потом начинать чувствовать себя взрослой.

Но Николай оказался настойчивым. Когда в автобусе Маргоша повисла на поручне, вытянувшись в струнку, поскольку ее маленького роста едва хватало на дистанцию «пол – поручень», прямо ей в ухо ворвался одуряющий шепот:

– Ну улыбнитесь же, а то у меня сердце сжимается разглядывать эту вселенскую скорбь на вашем личике!

Подобная настырность ей не польстила, а слегка напугала. Отодвинувшись от ласково поблескивавшего глазами кавалера, она ужом заскользила в начало салона, с трудом пробираясь сквозь плотный строй потных пассажиров.

В результате вышли они вместе.

– Какая неожиданность, мы, оказывается, соседи! – не смутившись, сообщил парень. – Разрешите, я помогу донести сумку?

– Денег там нет, – на всякий случай пискнула Маргоша и покрепче вцепилась в ручки истрепанного пакета.

– Хорошо, а проводить-то вас можно?

– Нет. – Маргоша ускорила шаг, жалея, что надела туфли на каблуках. Когда через пять минут она украдкой оглянулась, выяснилось, что кавалер не отстает. – Я буду кричать! – Маргоша замахнулась на него пакетом, но многовековая мудрость, спрессованная в килограммовые учебники и справочники, потянула ее назад и очень нелепо и некрасиво опрокинула на асфальт.

Кавалер причитал над ней громче, чем это сделали бы ее бабушки, и Маргоше стало смешно. Тем более что, только посмеявшись, можно было сохранить лицо.

– У вас потрясающая улыбка, – оборвал ее веселье парень, резким движением вернув сидевшую на дороге Маргошу в вертикальное положение.

Судя по ощущениям, пятая точка сильно пострадала от соприкосновения с асфальтом, но провести инвентаризацию в присутствии навязчивого рыцаря было затруднительно, поэтому Маргоша бестактно поинтересовалась:

– Так и будете тащиться за мной или поменяете траекторию полета, пока я себе что-нибудь по вашей милости не сломала?

– Если позволите придерживать вас хотя бы за руку, то больше ничего и не случится, – не обиделся парень и вопросительно улыбнулся, пошевелив белобрысыми бровями.

Это получилось так смешно, что Маргоша не выдержала и прыснула.

До подъезда они добрались вместе, а когда девушка уже начала нервничать, как бы отшить сопровождающего, чтобы не остаться с ним на темной лестнице, он галантно поцеловал ей ручку и предложил завтра сходить в кино. Расставание получилось естественным и ненапряженным, оставив лишь легкое сожаление, что кавалер не попытался добиться большего, чем лобызание руки.

– Кстати, меня зовут Николай, – сообщил он на прощание. – А как зовут девушку, которая теперь будет снится мне всю ночь?

– Маргарита, – покраснела Маргоша и быстро убежала, словно боясь, что новый знакомый погонится за ней.

Николай выгодно отличался от Маргошиных одноклассников и однокурсников. Он был взрослым, вел себя солидно, по-мужски, чем невероятно взволновал неопытную Маргошу. Мысли о сессии вытеснил образ блондина, сильно приукрашенный девичьими грезами. Каждое его слово и интонация толковались млеющей от нахлынувших чувств Риточкой в пользу кавалерского интеллекта, такта и духовного богатства. Если бы Коля знал, какие мысли ему приписывались в связи с банальной фразой о хорошей погоде, то сильно вырос бы в собственных глазах.

На самом деле Николай был обычным бабником. Шлейф из разбитых женских сердец тянулся за ним, как хвост за старым крокодилом. Карьера застопорилась на стадии младшего научного сотрудника, повышения не предвиделось, поэтому он отрывался на ниве дамской наивности и доверчивости. Лишь с женщинами он чувствовал себя состоявшимся мужчиной,

особенно поднимали его самооценку победы над молоденькими дурочками вроде Маргоши. Но ничего этого юная студентка не знала, упиваясь романтическими свиданиями с красиво ухаживающим рыцарем.

– Целоваться лез? – сурово поинтересовалась Татьяна.

– Да ты что? Он не такой! – покраснела Маргоша от бестактности подруги.

– Неужели? Тогда дело – труба, – язвительно заметила Таня. – «Не такой» мужик – это трагедия.

Глубины данного житейского наблюдения Маргоша не поняла и не оценила в силу отсутствия соответствующего опыта.

– Он очень интеллигентный, – осторожно попыталась она настроить подругу на позитивное отношение к избраннику.

– Тощий, недоделанный очкарик в оттянутых на коленях брюках и с заплатами на локтях, – припечатала Таня.

– А вот и нет! – горделиво выпалила Маргоша и принялась взхлеб описывать немислимые достоинства кавалера.

– Хочу посмотреть на эту экзотику, – заявила подруга.

– Думаешь, вру? – поджала губы Риточка.

– Да.

– И как я тебе его покажу? Знакомить вас, что ли?

– Почему бы и нет? Или боишься, что уведу?

– Я уверена и в себе, и в нем! – вспыхнула Маргоша, впервые осознав, что авторитетное мнение подруги вполне можно оспорить. Во всяком случае, когда дело касается таких жизненно важных вопросов, как свалившийся на голову принц.

– А вот здесь ты не права! – Таня сурово сдвинула красивые брови и даже погрозила пальцем для усиления эффекта. – Никогда нельзя быть уверенной ни в ком. Тем более в мужике!

– Даже в тебе?

– Во мне можешь не сомневаться, – великодушно разрешила Соколова.

– Вот спасибо-то...

– Не за что.

Беседа зашла в тупик. Маргоша чувствовала себя уязвленной, а Татьяна равнодушно наблюдала за проезжающими мимо машинами.

– А ты откуда знаешь... про мужиков? – наконец выдавила Маргоша, смутившись от невозможности правильно сформулировать вопрос.

– Оттуда. – Это признание шлепнулось на обалдевшую Маргошу, словно сугроб, сброшенный с крыши пьяным дворником.

– Ты что... уже... ну... – Она шныряла глазами вокруг Татьяны, боясь посмотреть подруге в лицо.

– Да, я уже. А что? Самое главное в жизни – опыт! Чем больше опыта, тем меньше ошибок. Ясно?

– Нет. – Рита почувствовала, что во рту у нее пересохло, а Таня стала какой-то неожиданно далекой и непонятной, как ныряющие в море буйки. – А как же дети? В смысле, куда ты их...

– Кого, Рита? Каких детей? Ты что, совсем сбрендил?

– Может, опыта у меня и меньше, чем у некоторых, но я знаю, откуда берутся дети! – возмутилась Маргоша, опасливо отодвинувшись от Татьяны.

В ее представлении девушка, рассуждавшая подобным образом, характеризовалась как падшая, и еще от нее можно было что-нибудь подцепить. Так говорила бабушка. Правда, до сегодняшнего дня Маргоша знала лишь одну падшую девушку – Карину из соседнего подъезда,

при виде которой оживлялись гопники и вечно сидящие на лавочках бабульки. Интерес у обеих групп был прямо противоположным, равно как и подаваемые реплики.

– Дети берутся только у таких кулем, как ты! – презрительно скривилась Татьяна. – Не шарахайся, никого я никуда не деваю, просто делаю все по-умному. Ясно?

Как делать по-умному, чтобы не было детей, Маргоша даже примерно не представляла, поэтому забоялась опытную подругу еще больше.

– Так что, смотрины твоему интеллигенту устраивать будем? – вернулась Татьяна к животрепещущей теме.

Несмотря на полнейшее отсутствие жизненного опыта в том, что касалось общения с сильной половиной человечества, Риточка все-таки понимала, что допускать Таню до кавалерского тела нежелательно. Покосившись на подружкины роскошные формы, которые откровенно выигрывали на фоне ее собственных subtilных прелестей, Риточка приняла историческое решение: любой ценой предотвратить знакомство Татьяны с Николаем, но при этом попытаться выжать из подруги максимум полезной информации.

– Так ты думаешь, что он будет приставать? – Маргоша взволнованно поерзала. – И как мне реагировать? Исходя из твоего богатого опыта.

– Не хами. – Татьяна скосила глаза к переносице, демонстрируя задумчивость. – Говоришь, интеллигентный?

– Ага, – радостно гукнула Маргоша, – очень воспитанный, младший научный сотрудник, обходительный...

– Не тощий? Плечи широкие?

– Нормальный он, – неуверенно пробормотала Риточка, судорожно вспоминая приблизительные габариты поклонника. – Плечи примерно вот такие!

Скептически посмотрев на ее широко растопыренные ручки, Татьяна решительно свела их немного ближе, укоротив расстояние между Маргошиными ладошками сантиметров на двадцать.

– Может, и так, – не стала спорить покладистая Риточка в надежде услышать дельный совет, вытекающий из предоставленных данных.

– Нос длинный? – не унималась Татьяна.

– Он химик, а не Буратино, – недовольно произнесла Маргоша, решив, что подруга издевается. – При чем здесь нос?

– При том! – веско отрубила Татьяна. – Длинный или как?

– Нормальный.

– Хорошо.

Татьяна замкнулась, наматывая на палец длинный белокурый локон и покусывая губу. Маргоша занервничала.

– Ну?

– погоди, – досадливо отмахнулась Соколова.

Ждать Риточка смогла только десять минут, по истечении этого срока она начала нарезать круги вокруг застывшей подруги и громко нетерпеливо дышать, желая своим паровозным пыхтением привлечь внимание Татьяны.

– Значит, так, – изрекла консультантша. – Не давать.

– Чего?

– Ничего не давать!

– В смысле, денег? – виновато прошептала Маргоша, стесняясь собственной несообразительности.

– Бестолочь, – снисходительно усмехнулась Татьяна. – Для особо наивных поясню: целовать можно, лапать нельзя.

– Вообще? – печально выдохнула Маргоша и тут же спохватилась: – Да ты что? Я и не собиралась!

– Ну-ну, я так и подумала! Смотри, не наглупи. Где вы в следующий раз встречаетесь?

– На остановке, завтра в семь.

– Я подойду, заценю твоего «выюношу».

– Не надо! – жалобно пискнула Маргоша и непроизвольно покосилась на пышный Татьяна-нин бюст, воинственно подпиривший рюшечки пестрого платья.

– Не бойся, я приближаться не стану, издалека посмотрю.

– Ой, правда? – искренне обрадовалась Маргоша. – Здорово! Просто отлично! Тогда послезавтра с утра заходи, поделишься выводами!

Но получилось все не так, как планировала Татьяна.

У нее никогда не было сестры, и глупенькую избалованную Маргошу она искренне любила. За долгие годы дружбы Татьяна стала чувствовать даже какую-то ответственность за непоседливую попрыгунью Завьялову. Их разделяла стена, намного выше и длиннее Китайской: с одной стороны, похожая на яркую и радужную детскую мозаику, а с другой – черная, обугленная людскими страданиями, горем, нищетой и несбывшимися надеждами. Это была жизнь, на которую Маргоша смотрела, как на калейдоскоп удовольствий, а Татьяна – как на препятствие. Его надо преодолеть, перелезть, перепрыгнуть, чтобы попасть на недостижимую и манящую светлую сторону.

В восьмом классе Анфиса Максимовна, посмотрев на оформившуюся фигуру молоденькой соседки, гнувшей спину на ее огороде, сама того не желая, подала ей неплохую мысль:

– Ты, девка, осторожнее теперь по улицам ходи. Видная ты стала, не по возрасту, а в поселке дачников полно. Уедут потом, и поминай как звали!

Слово «дачник» в белокурой Татьяниной головке сразу оформилось в выпуклый и знакомый образ Валеры, сына ее пожилых соседей, приезжавших только на лето. Валера навещал родителей, привозил продукты, вежливо шутил через забор с Татьяной и заваливался в гамак с книжкой. Судя по наличию в семье «Жигулей» и отсутствию соседей в осенне-зимний период, можно было сделать вывод, что в городе у них есть квартира и живут они не на три копейки в месяц.

Прекрасно осознавая, что она привлекательна именно своей молодостью, Татьяна пошла в наступление. Трофей в виде Валеры достался ей легко. Он спокойно взял предложенное и обогатил юную подругу важной аксиомой: ночное утрамбовывание сена на сеновале еще не повод для женитьбы. Более того, оказалось, что завоевывать надо сначала родителей намеренной жертвы. Самой действенной отговоркой, как многократно выяснялось впоследствии, являлся довод о том, что «мама, к сожалению, этого брака не допустит», а у нее слабое сердце, нервы, голова или прочие фрагменты организма, в связи с чем любящий сын не посмеет бить старуху по больным местам и толкать к краю могилы. Получалось, что подкупать следует ОТК в виде мамы. Поскольку основным достоинством Татьяны была грудь, пришлось отложить атаки выгодных в плане жилплощади кавалеров до поступления в институт. Почему-то Таня решила, что если мужики реагируют на внешние детали, то их мамы непременно должны мыслить по-иному и гоняться за внутренне привлекательными невестками, а именно: за умными и образованными.

Распыляться на мелочи дальновидная Соколова не собиралась, поэтому местные кавалеры в списках ее побед, обернувшихся поражениями, не значились. Более того, особо ретивый тракторист Вова, решивший поразить фигуристую школьницу рыцарским подвигом и залезший летней ночью к ней в окно с букетом георгинов из ее же клумбы, долго бюллетенил после несостоявшегося марш-броска. А поселок целый месяц смаковал подробности ночной погони: прекрасная, как русалка, Татьяна, в белой ночной рубаше, с развевающимися на ветру

волосами, огромными скачками неслась за молча галопирующим от нее Ромео и била его по загривку граблями. С тех пор местные к ней не приставали.

Таня не была расчетливой стервой, но жизнь загнала ее в угол, заставив огрызаться. Если бы Соколова смирилась с уготованной ей судьбой, то, вероятно, спилась бы, как и мать. Поселок казался ей вонючей чавкающей трясинкой, за пределами которой находились зеленые луга, белые дворцы, прекрасные принцы, поэтому надо было лишь найти точку опоры и выбраться на сушу. Такой точкой мог стать брак с последующей пропиской в городе. Самое обидное, что и город-то располагался рядом, рукой подать: через старое потрескавшееся стекло Татьяниной комнаты виднелись высокие кирпичные дома, где из кранов текла вода, на плитах шипел голубой газ, а зимой топили батареи. Однако все это было пока недостижимо.

Она завидовала Маргоше, не умевшей ценить достижения цивилизации, воспринимая их как должное. Иногда Риточка невероятно раздражала ее своей инфантильностью, но ближе подружки у Татьяны не было. Подсознательно она рассчитывала на Маргошу, словно придерживая про запас. Таня и сама не знала для чего, но определенно судьба не зря свела ее с Завьяловой.

Слушая восторженный стрекот Маргоши, воспевающей нового знакомого, Татьяна поймала себя на мысли, что завидует уже по-черному. Ну почему, скажите на милость, этой сопле, и так имевшей все, повезло встретить хорошего мужика, а Татьяне, намного привлекательнее этого заморыша, еще мало похожего на женщину, везло лишь на временных партнеров, которые, получив желаемое, быстро ставили на место размышлявшую о скорой свадьбе девушку. Ей даже захотелось, чтобы Маргоша хоть раз испытала разочарование посильнее, чем двойка за контрольную. Темная, вязкая мысль посочетовала раздухарившейся Завьяловой переспать с кавалером, который потом, как и все мужики, добившись доступа к телу, слиняет, словно краска на дешевом белье, начала неуверенно копошиться в Татьяниной голове. Она с трудом остановила себя вполне логичным вопросом: «И мне что с этого? Моральное удовлетворение? Вряд ли. Пусть будет, как будет...»

А на следующий день она увидела Николая. Татьяна пришла на остановку заранее и сразу заметила высокого интересного блондина с букетом. Почему-то сразу поняла, что парень ждет Риту. Он поглядывал на часы, потряхивал челкой и красиво смотрел вдаль, будто капитан дальнего плавания в рубке собственного корабля.

Татьянино сердце оборвалось, руки отяжелели, а дыхание почти остановилось. Он поймал на себе ее остекленевший взгляд и улыбнулся. Ничего не видя вокруг, Татьяна молча развернулась и пошатываясь побрела в поселок. Даже если у него не было квартиры, машины и желания жениться, она все равно готова была променять свое будущее на его любовь. Как завоевать мужчину, Татьяна знала, а как его удержать, оставалось только догадываться.

Всю ночь она не спала, разрабатывая план наступления.

Едва распахнув дверь, Маргоша завопила на всю лестницу:

– А мы вчера целовались!!!

Татьяна вздрогнула и зло оборвала подружкины восторги:

– Ты хочешь, чтобы об этом знала только я, или соседей тоже посвятим в твою личную жизнь?

– Ой, – Маргоша даже присела с перепуга, – заходи, заходи!

Как только Татьяна перешагнула через порог, Маргоша, чуть не прищепив ее дверью, защелкала замками, возбужденно шепча:

– Ты представляешь? В губы. Это вообще! Мне так страшно было!

Тане захотелось дать Завьяловой по голове или залепить рот пластырем, чтобы не слышать омерзительных подробностей. Что он нашел в этой дохлой воробыхе? Нет, все-таки мужики невероятно неразборчивы.

– Тань, ты меня слушаешь? – Маргоша обиженно дернула ее за рукав.

– Естественно, я за этим и пришла. – Подавить раздражение удалось с невероятным трудом. Но желание треснуть подругу по физиономии не пропало. Татьяна чувствовала себя так, словно Рита только что обокрала ее, а теперь цинично хвастается добычей.

– И что думаешь?

– О чем?

– Об этом.

У Маргоши было настолько многозначительное выражение лица, что Татьяна забеспокоилась: похоже, в этом детском щебете она кое-что упустила.

– Татка, проснись! Родители в выходные уезжают на дачу. Я хочу его пригласить.

– На ночь? – ужаснулась Татьяна, чувствуя, как почва уходит у нее из-под ног, а сама она летит в черную бездну, отчаянно пытаясь зацепиться за гладкие стены пропасти.

– Ты что? – возмутилась Маргоша. – Совсем обалдела. На ужин. Да он и не собирается оставаться.

– Это он сам сказал? – хмыкнула Таня.

– Нет, но я его чувствую, он себе такого не позволит!

– Конечно-конечно, помашет лапкой и уйдет страдать под твой балкон. Небось дома жрать нечего, так он к тебе придет поужинать, а потом с чувством выполненного долга отвалит. А зачем еще мужику приходиться к бабе? За куском мяса! Ты – идиотка!

Переход был очень неожиданным, и Маргоша растерянно заморгала, открыв рот для ответного выступления в защиту романтики. Но Татьяна не дала ей высказаться.

– Вот помяни мое слово – пусти козла в огород! Пока он свое не получит – не уйдет.

– Ты на что намекаешь, что он меня изнасилует? – недоверчиво сморщилась Маргоша. – Ты, Тань, со своими скобарями совсем одичала. Это нормальный воспитанный мужчина, а не неандерталец, живущий инстинктами. Он меня любит!

Слушать это было невыносимо. От волнения Татьяна совершенно перестала соображать, и мысли сбивались в тупую безмозглую кучу, не желая подсказывать выход из тупика. Она прекрасно понимала, чем заканчиваются подобные вечера. Опытный Коля элементарно уболтает наивную Маргошу на все, а она утром будет страшно удивляться, как так получилось. Допустить данное развитие событий Татьяна не могла, а как предотвратить катастрофу – не знала. Тем более что Рита уперлась, как баран, и талдычила про редкостную порядочность Николая. Это было еще хуже, поскольку в этом случае как порядочный человек он мог и жениться. Таким образом, настоящая любовь Татьяны оказалась под угрозой.

Первый вариант – сообщить все родителям Маргоши – она отмела, поскольку Таня не была заинтересована в окончательном и бесповоротном изгнании Николая с возможным членовредительством и последующей многолетней вендеттой. Прежде чем принц смоемся с горизонта, она должна узнать, как его найти. Судя по завьяловскому лепету, связь пока была односторонней, а в то, что Коля действительно живет где-то рядом, Татьяна не верила. Оставалось одно: выяснить место дислокации любимого, а уже потом расставлять капканы. Совесть Татьяну не мучила: Маргоша еще найдет себе мужика, такая свиристелка просто не способна любить, а посему – какая разница, кто будет рядом. Если бы время позволяло, то она успела бы все сделать по плану, но времени-то у нее и не было...

– Тат, ну правда, он ничего лишнего себе не позволит, – ныла Маргоша. – Можно я его позову?

– Тебе что, мое разрешение надо?

– Нет, совет.

– Посоветовать-то я могу. Слава богу, в стране советов живем. Только вдруг я ошибусь? Нет, в таком деле я не рискну...

Как Таня и рассчитывала, Маргоша принялась с жаром убеждать ее, что никаких претензий с ее стороны не будет, она сама решит, прислушиваться к тому, что говорит подруга, или нет.

– Ладно. Я бы сделала так. Прежде всего, ни в коем случае не позволяй ему лишнего.

– Целоваться нельзя?

– Лучше не надо, – неуверенно пробормотала Татьяна, боясь перегнуть палку в своих полезных советах.

– А что же тогда делать? – совершенно растерялась Маргоша.

– Просто разговаривать, общаться. Ни в коем случае не включай музыку, чтобы не сбивать настрой.

Маргоша, которая не просто собиралась включить музыку, а даже подобрала подходящую пластинку и в мыслях именно под эту мелодию танцевала и целовалась со своим Коленькой, сильно покраснела. Встреча тет-а-тет совершенно теряла смысл и привлекательность.

А Татьяну несло:

– Как только ты дашь ему повод думать, что легкодоступна, он немедленно этим воспользуется, не сомневайся. Мужчины не любят доступных, они предпочитают долго и трудно завоевывать. В идеале, сразу объяснить ему, что все желаемое он получит только после свадьбы.

– И как я ему это объясню? – испугалась Рита. – Ты что? И ни к чему это, он и сам знает.

– Конечно, он ничего такого не планирует, но ты обязательно должна дать ему понять, что ты не какая-то там вертихвостка. Я же тебе говорю, мужчины любят неприступных женщин, которых надо за-во-е-вы-вать! Ясно?

Звание неприступной женщины Маргоше польстило. Она пожирала глазами умную Татьяну и радовалась, что догадалась посоветоваться со знающим человеком.

– Сразу заяви ему, что любишь дорогие подарки, сережки попроси.

– Но у меня уши не проколоты!

– Не цепляйся к словам, – отмахнулась Татьяна. – Кольцо, браслет. Какая разница? Пусть усвоит одно: на тебя надо тратить!

– А он не испугается расходов? – засомневалась Рита, с трудом представляя, как она в ультимативной форме станет требовать от любимого подарков.

– Нет, он обрадуется, – уверенно ответила Татьяна. – Знаешь, какое удовольствие для мужика тратить на невесту?

– Но я еще не невеста...

– Не перебивай! – крикнула Таня. – И об этом ты тоже должна сказать. Обидься, спроси, почему вы уже столько времени вместе, а он до сих пор не сделал тебе предложения?

– Тогда получится, что я напрашиваюсь.

– Не получится. Это обычная схема общения между мужчиной и женщиной: мужчина хочет жениться и ждет, пока женщина сообщит ему о том, что пора делать предложение. Он тебе только благодарен будет.

Рассуждения Татьяны казались вполне логичными, а сама лекторша смотрела на подругу, внимательно следя за выражением ее лица, чтобы успеть вовремя остановить инструктаж, и размышляла о том, что хорошая успеваемость в школе и в институте не гарантирует успеха в жизни. Сейчас Маргоша, впитывавшая ее советы, казалась Татьяне полной идиоткой: круглые глаза, приоткрытый рот и нервное шмыганье носом. Таня даже подумала, что еще немного, и Завьялова начнет пускать слюни, как неразумный младенец. Неужели можно верить в эту чушь? Можно. Значит, судьба. Или не судьба. Все относительно.

Маргоша мысленно перерисовывала картину встречи с Николаем. В новом варианте все получалось менее волнительно, если не хуже. Кроме того, она настолько терялась в присутствии потенциального жениха, что вполне могла забыть что-нибудь из озвученных Татьяной постулатов, а записывать их на бумажку было слишком рискованно.

– Тань, а в какой момент начать обижаться? – Маргоша спросила первое, что пришло в голову. Вообще-то, вопросов у нее было больше, чем мошкары на болоте, но сосредоточиться на основных Рита никак не могла.

– Обидеться ты всегда успеешь, лучше приберечь это на самый конец. Первым делом узнай, где он живет.

– Зачем?

– Затем! – Татьяна окончательно разозлилась. Придавленная вынужденными обстоятельствами совесть принялась яростно трепыхаться под наивным взглядом Маргошиних голубых глаз. – Объясни ему, что мало ли, чего в жизни не бывает... Ты должна знать, где его искать.

– Не поняла. – На всякий случай Риточка отодвинулась от посуровевшей подруги. – Зачем мне его искать, он сам всегда...

– Ну и бестолочь же ты! А если он вдруг пропадет?

– Куда? Нет, я не против, – заторопилась Маргоша, напуганная злобным взглядом Татьяны. – Но как мне ему объяснить, для чего я спрашиваю?

– Так и скажи: если на тебя вдруг упадет кирпич, не лишай меня возможности прийти на похороны!

Маргоша вздрогнула и изумленно уставилась на раскрасневшуюся Соколову.

– Рит, с тобой ужасно тяжело. Пошутила я. Скажи ему, что, если он заболит, ты сможешь приходить к нему домой, убирать, кормить, ухаживать... Ясно?

– Да. – Маргоша немного успокоилась, но тема ей не понравилась.

– Спроси, кто еще прописан в квартире, с кем он живет, где работает, сколько получает, какие перспективы...

– Соколова, ты что говоришь-то? – Рита недоверчиво изучала Татьянино лицо. – Ты серьезно?

Таня сообразила, что перестаралась и в какой-то момент упустила тонкую нить, на конце которой болталась эта глупая рыбешка.

– А что тебя удивляет? Нормальные вопросы.

– Чего в них нормального? Какая мне разница...

– Тебе – никакой! Согласна. Но он должен почувствовать, что его невеста не безмозглая курица, а весьма перспективная мать семейства, которой не все равно, где будут жить ее дети, в состоянии ли супруг содержать семью. Кстати, он курит?

– Да.

– Запрети!

– Почему?

– Продемонстрируешь, что заботишься о его здоровье!

Маргоша совсем расстроилась. В мечтах она видела себя в ажурном свадебном платье, с цветами. Рядом в элегантном костюме стоял Коля. Она представляла себя с Колей то на яхте, то на берегу голубого моря, то в кино, то на танцах... В этих красивых картинках не находилось места для солидной матери семейства. И никаких детей там тоже пока не было. Наверное, это свидетельствовало о ее незрелости с точки зрения семейной жизни. Хорошо, что Таня подсказала, как скрыть сей прискорбный дефект. Кстати, Николай с сигаретой ей очень даже нравился. Рите нравился запах терпкого табака, красивые жесты и колечки дыма, которые он мастерски пускал, свернув губы трубочкой. Отказываться от этого было жаль, но приходилось и здесь признать Татьянину правоту.

– Шампанского-то хоть выпить можно? – убитым голосом поинтересовалась Маргоша.

– Ни в коем случае! – отрезала Татьяна. – Он может тебе туда что-нибудь подсыпать!

– Подсыпать? Что? Слабительное или крысиный яд?

Рита поняла, что романтический вечер будет совершенно не таким, как мечталось. Николай уже воспринимался не как желанный мужчина, а как агрессор, с которым необходимо гра-

можно провести дипломатические переговоры. Ей очень хотелось, чтобы хоть в чем-то Таня ошиблась, поэтому Риточка и уцепилась за предположение о том, что он ей якобы может что-то там подсыпать.

– Завьялова! Не спорь со специалистами. Вряд ли его целью является расстройство твоего пищеварения. Есть множество препаратов, один миллиграмм которых может совершенно снести тебе башню! И ты будешь вести себя хуже, чем нажравшийся в хлам сапожник.

– А это ему зачем? – Маргоша перестала верить разошедшейся подруге.

– Что у трезвого на уме, у пьяного – на языке. Не исключено, что он намерен выяснить всю твою подноготную. Кстати, это часто делают, очень многие мои подруги попали в такую же ситуацию.

Упоминание о подругах окончательно добило Маргошу. Она почувствовала себя Штирлицем на вражеской территории. Любовь медленно, но верно отходила на второй план. Маргоша даже на мгновение пожалела, что запланировала на день рождения randevu с Николаем, а не обычную вечеринку с друзьями.

Глядя на ее перевернутую физиономию, Татьяна успокоилась. Все складывалось наилучшим образом.

С утра Маргошу колотило от волнения. Предстоящая встреча с Колей расценивалась юной студенткой как важнейшее испытание судьбы. Риточка заготовила речь и тихо повторяла ее, осторожно высываясь из-за занавески, чтобы не пропустить приближение кавалера. Стол был накрыт, оставленное мамой горячее разогрето, хлеб нарезан. Даже воду она заранее налила в вазочку для цветов. Маргоша казалась самой себе чрезвычайно предусмотрительной и взрослой.

Когда новая подруга пригласила его домой, Николай сначала струсил. У девчонки был настолько торжественный вид, что он вдруг подумал, уж не с родителями ли она собирается его знакомить. Это в планы Николая категорически не вписывалось. Украшать свою жизнь молодой женой он не планировал, поскольку к последней непременно прилагалась какая-нибудь крикливая крупногабаритная мамаша, она же – теща, тесть, мнящий себя полководцем и раздающий направо и налево ценные советы, и в недалеком будущем выводок шумных сопливых отпрысков, из-за которых нельзя будет спокойно посмотреть футбол, поехать на шашлыки и, вообще, пожить в свое удовольствие. Коля рассуждал так: одиноких женщин намного больше, чем непристроенных мужчин, соответственно, на его век баб хватит. Связывать свою жизнь с какой-то одной, которая начнет предъявлять определенные требования, а именно: прибить полочки, отдать зарплату, починить кран, вынести мусор и прочее – было бы неразумно. С годами женщины вянут и выдыхаются, как дешевое пиво, а мужики становятся все ценнее, как выдержанный коньяк. Он уже имел счастье убедиться, что только в первые недели совместной жизни с молодым задором и энтузиазмом глядятся рубашки, варятся борщи и моются полы. За первым этапом самоотдачи наступает этап прозрения. Дамы начинают выражать собственное мнение, ходить по дому в мятом халате и чувствовать себя хозяйками положения. В тот момент и нужно прекращать отношения, мотивируя это несходством характеров или длительной командировкой в Заполярье. Николай не был альфонсом, он искренне любил женщин, выпивал их, как цветок пьет влагу, с восторгом и благодарностью, после чего отбывал к более свежему источнику. Он никогда не приглашал женщин к себе и не заводил близких отношений с сослуживицами, помня о своем первом неудачном опыте с Марией Михайловной из отдела кадров.

Машенька, как ее называли сотрудники, была слегка перезрелой барышней ближе к сорока. Она походила на большой астраханский помидор предельной степени спелости, вслед за которой должна была наступить стадия второй свежести, то есть когда овощ уже красив

только в салате по причине сильной помятости бочков. Коля стал ее лебединой песней. Напевшись дуэтом, они заняли прямо противоположные позиции: Николай заинтересовался молодой лаборанткой, а Маша собралась за него замуж и пожелала познакомиться с мамой. Ее родители жили под Владивостоком, поэтому планировалось вызвать их непосредственно на свадьбу. Правда, это планировалось только наивной Машей, а Коля уже всю паковал вещи. Отвязаться от кадровички оказалось задачей практически непосильной. Она никак не желала понимать, что любовь прошла, напирая на то, что у него, может, и прошла, а у нее – нет! Готова была любить за двоих, прощать, носить на руках и угождать. В ночных кошмарах Коля видел, как на его горле смыкаются пухлые Машины пальцы, униженные кольцами. Ходить на работу стало невыносимо: весь НИИ был в курсе происходящего, что, кстати, Марию совсем не смущало. Утром она подстерегала Николая у проходной, после чего весь день возникала у него на пути, заставляя вздрагивать и передвигаться по территории трусливой рысцой.

Спасла ситуацию мама. Если бы Коленька надумал жениться, то его мать могла бы стать изумительным образчиком свекрови из анекдотов. Она до безумия обожала сына и была из породы склочниц, про которых говорят: «К вечеру сама себя укусит». Обладая сухонькой фигуркой воробья, Елена Сергеевна орала, как портовый грузчик, значительно опережая представителя данной профессии по богатству и неординарности лексического запаса.

Когда Маше надоело охотиться на пугливо избегавшую ее дичь, она решила познакомиться с будущей родственницей сама, здраво рассудив, что в этом деле ей без союзников не обойтись. Мария совершенно справедливо полагала, что наличие собственной жилплощади, хорошего оклада и оранжевого «москвичонка» подкупит любую мать, переманив ее на сторону невесты. С точки зрения здравого смысла, Маша была права, но для любого правила всегда имеются исключения. Елена Сергеевна была уверена, что нет на земле женщины, достойной ее Колясика. Кстати, Коля тоже был в этом уверен. Так и жили они с мамой душа в душу, и только визит Марии Михайловны омрачил их безоблачное счастье. Но ненадолго. Елена Сергеевна вопила так, что в курсе событий оказались все соседи, мирно отдыхавшие после рабочего дня за закрытыми дверями. Причем с ситуацией невольно ознакомились даже те, кто никогда не участвовал в жизни подъезда и не припадал ухом к замочной скважине, дабы обогатить свое бедное впечатлениями существование. Маша узнала о себе столько нового и обидного, что на ее застарелый комплекс старой девы гроздьями повисли десятки новых мелких и крупных комплексов, начиная от чрезвычайно оскорбительного описания ее фигуры и заканчивая возмутительной характеристикой перспектив ее личной жизни. Она бегом принеслась домой, собрала остатки Колиных вещей и с остервенением вышвырнула чемодан на лестницу.

С тех пор Николай бдительно обрубал любые контакты и предпочитал одностороннюю связь с девушками. Он всегда имел при себе пресловутые резиновые изделия, поэтому абсолютно не боялся каких-либо серьезных последствий своей любви-обильности.

Рита радостно улыбалась в ожидании его согласия на визит.

– А-а, ммм... Это удобно? – Николаю необходимо было срочно прояснить обстановку.

– Удобно, очень даже удобно, – оживилась Маргоша, обрадованная искренним смущением приглашенного. Вопреки прогнозам Татьяны, хищного блеска в глазах и обильного слюноотечения у кавалера не наблюдалось.

– А... твои родители? Вероятно, они предпочли бы отдохнуть в выходные, а не принимать гостей, – вывернулся он, боясь услышать, что папа и мама с нетерпением ждут момента знакомства, в связи с чем отложили все дела.

– Они уедут на дачу! – Маргоша покраснела и испытующе посмотрела на него, опасаясь, что ее радость он неправильно истолкует.

– Они разрешили тебе привести в дом постороннего человека?

– А они ничего не знают. Это я в первый раз так, – торопливо пояснила Маргоша, чтобы Коля ни в коем случае не подумал, что, когда родители отбывают на дачу, она устраивает в квартире оргии. – Я-то тебе доверяю.

Николай вздохнул с облегчением: похоже, все складывалось замечательно и даже намного раньше намеченного срока. Он любил легкие победы, гордясь своим обаянием и неотразимостью. Радовался, что дамы пачками падают к его ногам.

Николай купил букет, бутылку вина и бодро промаршировал под Риточкиными окнами. Хозяйку праздника сдуло с подоконника, она заметалась по кухне в вихре последних приготовлений, одновременно пытаясь убедиться, что из зеркала на нее смотрит именно писаная красавица, а не всклокоченная девица с очумелым взглядом. Отражение ей категорически не понравилось, но сделать уже было ничего нельзя, дверной звонок пронзительно тренькнул, и на ее робкое «кто там?», хотя и так было ясно кто, Николай томно прошептал:

– Ритуля, это я.

Встречи на улице были несколько другими. Сейчас Коля демонстративно закатывал глаза, вздыхал и норовил облапить новорожденную, сопровождая свои попытки неоднозначными шутками. Маргоша смущалась и млела от его внимания. Его поведение не казалось ей ни наглым, ни опасным, ни неприличным. Она кокетливо поводила глазками и хихикала: на семафоре весело мигал зеленый свет, а опустить шлагбаум, как она считала, можно в любой момент. Но захочется ли это сделать? Маргоша уже видела себя в длинной фате, подозрительно напоминавшей в мечтах тюлевую занавеску из гостиной.

Вспомнив Татьянин совет, не особо усердствовать в кухне, изображая умелую хозяйку, иначе жених впоследствии будет видеть в ней лишь повариху, прачку и уборщицу, Маргоша прощбетала:

– Поможешь мне накрыть? Я, вообще-то, не любительница хозяйничать, этим у нас в основном мама занимается.

Николай, хищно потирая руки, поперся за Маргошей, взглядом собственника оценивая ее тыл и предвкушая отличные выходные. Судя по всему, с этой малышкой проблем не предвиделось: недалекая дурочка, намылившаяся замуж. Женщины любят красивые обещания, собственно, вся их жизнь – сплошные обещания и ожидания. Так неужели трудно вплестись в ажурное кружево их надежд, а потом скользким червяком проползти между тонких нитей судьбы и быстро скрыться за горизонтом? Легко! Тем более что кружево-то он с собой не заберет. Вероятно, что краткосрочные романчики, которые Николай дарил женщинам, так и оставались одиночным ярким пятном в их биографии. Коле хотелось, чтобы его вспоминали с благодарностью. Единственной опасностью было то, что какая-нибудь не в меру предприимчивая особа вместо кружева могла сплести сеть, но, глядя на Маргошу, он понимал: не тот случай. Девушка не обманула: хозяйство не являлось ее стихией. Она не то что сеть, а бантик на ботинках наверняка завязывала с трудом.

Светлана Федоровна приготовила салаты и запекла курицу. Имелось в виду, что Риточке останется только сварить картошку, заправить салаты майонезом и порезать курицу. Варить картошку Маргоша поленилась, решив, что на гарнир можно обойтись салатами, а в них она забыла положить майонез. Коля с содроганием наблюдал, как девушка шмякает в его тарелку спрессованные комки оливье, частично усеивая ими скатерть и пол.

– У тебя упало, – осторожно заметил он, проследив траекторию падения очередной порции зеленого горошка, измазанного крошками желтка.

– Ой! – Маргоша легкомысленно махнула рукой и пнула комочек подальше под стол. – Все равно с пола есть нельзя.

Порадовавшись, что его хотя бы не будут кормить едой с пола, кавалер поинтересовался:

– А салат с чем?

Он уже понял, что майонеза там нет, а покушать Коля любил вкусно и мириться с отсутствием данного ингредиента не собирался.

– Со всем, – пожалла плечами Маргоша, задумчиво добавив: – Что-то он сегодня не такой, как обычно. Может, испортился?

Она осторожно приблизила тарелку к личику, мазнув по комкам челкой, и сморщила носик, опасливо нюхая серо-зеленую спрессованную горку.

Николай наблюдал за процессом, приоткрыв рот и слегка сдвинув в сторону челюсть, что придавало его физиономии выражение изумленной брезгливости. Такого в его практике еще не случалось, хотя и восемнадцатилетних дурочек он пока тоже до сего момента не обхаживал.

– Наверное, там нет майонеза, – наконец подсказал он раздосадованной Маргоше.

– Точно! – Она расцвела, как ребенок, решивший сложную шараду. – Сейчас добавлю!

Риточка подскочила к холодильнику и, с очаровательной непосредственностью отклячив попку, принялась греметь банками на нижней полке, жизнерадостно комментируя процесс поиска:

– Ой, горчица... Фу, хрен... О, майонез!

Коля с трудом отвлекся от созерцания ее прелестей и перевел взгляд на потолок, подумав, что надо поесть и выпить, а потом уже все остальное.

Едва не смахнув на пол фужеры для шампанского, Маргоша шлепнула на стол банку майонеза.

– Сможешь открыть? – спросила она.

Банка была липкая и скользкая, по скатерти стало расползаться бледно-желтое пятно.

– Она в чем-то... – виновато начал Коля.

– Ерунда, – утешила его Маргоша, выхватив майонез и поставив на пятно кружку. – Во, так не видно!

Банка, как живая, вырвалась у нее из рук и грохнулась на пол.

– Не разбилась, – огорчилась Риточка. – А говорят: посуда бьется к счастью.

Коля тоскливо посмотрел на линолеум, представив это счастье в виде мелких осколков, большой майонезной лужи и последующей уборки. Хотя, учитывая Маргошино отношение к хозяйству, она вполне могла ограничиться небольшой перестановкой мебели, чтобы прикрыть пятно каким-нибудь шкафом, или просто постелить на него сверху коврик.

– Ладно. – Хозяйка продемонстрировала редкостный оптимизм. – Зато папе будет банка для анализов! Кстати, представляешь, эти банки затем забирают из поликлиник, моют и опять накладывают туда майонез! Мне подруга говорила!

В данном случае широта ее кругозора вызвала у Николая ощущение легкой тошноты и отбила желание заправлять салат майонезом. Но было поздно. Маргоша вылила полбанки ему в тарелку и начала бодро размешивать, после чего треть салата оказалась на скатерти.

– Давай пересядем, а то ты испачкаешься, – предложила заботливая Риточка, соскребая со скатерти ложкой утерянный салат и возвращая его в Колину тарелку.

Кульминацией стало разделывание курицы. Маргоша истыкала тушку ножом, извозилась в жиру и, наконец, решила просто отломать нужные части руками. Потрошение горячего происходило на разделочном столе. Маргоша стояла к гостю спиной и демонстрировала судорожные движения худеньких лопаток и локтей.

– Давай я, – шепнул Николай, подойдя к ней вплотную и волнительно прижавшись.

– Нет, спасибо, – благодарно засмущалась Рита.

Но Коля, обозрев поле боя, жирные пятна и саму Маргошу, фартук которой был заляпан следами борьбы с горячим, решил поберечь выходной костюм и трусливо отступил.

– Ну, сама так сама!

Пока Рита мылась и переодевалась, изумляясь превратностям судьбы и неожиданным сложностям с элементарным накрытием стола, горячее перестало быть горячим и покрылось

чуть теплой жирной пленкой. Единственным плюсом было то, что Коля не помешал ей переодеться. Однако это ее немного разочаровало, хотя и охарактеризовало кавалера с лучшей стороны.

Наплевав на Татьянино предостережение не пить, они пили сначала шампанское, затем вино, а утром Маргоша проснулась невероятно обескураженная собственной уступчивостью. Только вопреки прогнозам Соколовой, что, получив свое, парень исчезнет из ее жизни, Николай никуда не исчез, а продолжал встречаться с любимой. Но теперь эти встречи стали иными. Тане она решила ничего не говорить, поскольку боялась выглядеть в глазах подружки глупо.

В город лениво заползало жаркое лето. Сухой ветер гонял по пустынным улицам легкий мусор, яркими заплатками на сером асфальте горели цветочные клумбы, а в пронзительно голубом небе слепящим белым прожектором палило июньское солнце. Татьяна тихо сходила с ума от неопределенности. Встретиться с Ритой не удавалось, зато каждую ночь ей снился Николай. Таня даже и подумать не могла, что любовь бывает настолько жестокой и мучительной. Ни радости, ни возвышенности, ни романтики, лишь черная мутная ревность и боль, почти физическая. От бессилия, от разочарования, от обиды на жизнь и на судьбу. Но сдаваться она не собиралась.

Целую неделю Татьяне пришлось дежурить на Маргошиной остановке, прежде чем она увидела целующуюся парочку. Судя по венку из увядших одуванчиков и полотенцу, Маргоша и Николай ездили за город купаться. Таня скрипнула зубами от злости и исподлобья досмотрела сцену романтического прощания влюбленных.

«Посмотрим, посмотрим, кто кого». Она остервенело пинала корявый ствол березы, за которым пряталась, и старалась не разреветься. Сегодня ей требовалось лицо без красных пятен и розовых кроличьих глазок.

Расстегнув две верхних пуговицы на сарафане, Татьяна неторопливо двинулась к остановке, куда, по ее подсчетам, через некоторое время должен был подойти Николай. Сев на скамейку, она старательно подвернула юбку, оголив плотные гладкие ноги и круглые коленки. Придав лицу выражение растерянности и наивности, вытянула шею и принялась таращиться вдаль, высматривая автобус. Мышеловка готова, сыр положен.

– О, какая девушка! Позвольте присоединиться, – прогундосил нахальный молодой голос. Хлопнув ресницами, Таня обернулась и робко улыбнулась. Но это был не Коля.

Над Соколовой навис высокий худой парень с рыжей щеточкой усов над тонкими губами и прической тифозника.

Трогательное выражение невинности, заготовленное для Николая, ввело рыжего в заблуждение, вследствие чего он смело хапнул Татьяну за плечо. Дитя городских окраин, закаленное в борьбе за выживание, со скоростью гюрзы на охоте испортило тифознику не только настроение, но и внешность. Агрессивный напор юной нимфы был настолько ураганным, что парень даже не попытался отстоять свои честь и достоинство, а лишь, тихо постанывая, молниеносно покинул поле боя, зажимая рукой окровавленный нос. Рыжему крупно повезло, поскольку Татьяна с минуты на минуту ожидала появления Коли и добивать наглеца не стала, а он не услышал о себе и половине того, что мог бы узнать при других обстоятельствах.

Вернув опустившийся подол на место, она снова уселась на скамейку и навесила на лицо изображение детской непосредственности. Посидев некоторое время, Татьяна расстегнула на сарафане еще одну пуговицу: бить надо наверняка.

Насвистывая бодрый мотивчик, Николай целеустремленно двигался к остановке. Еще издали он заметил белевшие в ступающих сумерках Татьянины конечности. При ближай-

шем рассмотрении они оказались даже интереснее, чем на расстоянии, поэтому Коля плюхнулся на скамейку и покосился на соседку. Она робко отодвинулась и поежилась.

– Вам холодно? – обрадованно поинтересовался Казанова, уже предвкушая новое приключение. После худенькой Риты такая сочная деваха была то, что надо. Он быстро окинул взглядом ее верхнюю часть и удовлетворенно кивнул.

– Нет, – тоненько пискнула Татьяна и плотно сжала полные коленки, отодвинувшись на самый край. Первый раз в жизни мужчина действительно волновал ее, и играть было невероятно тяжело. Сердце колотилось, как взбесившийся маятник, разливая по телу крупную дрожь и заставляя голос неподдельно вибрировать.

– Да вы что, боитесь меня? – Николай приосанился и мысленно дорасстегивал оставшиеся пуговицы на ее сарафане.

– Я вообще боюсь... Темно, страшно, и нет никого, – произнесла Татьяна, удивляясь натуральности звучащего в ее голосе ужаса. Дыхание сбивалось, а близость Коли отнимала последние силы. Ей было действительно страшно: потерять его, упустить сейчас, когда подвернулся такой замечательный шанс.

– Как же – никого? – рисовался он, наслаждаясь моральной властью над молоденькой дурочкой. – А я?

Коля добавил в голос демонических интонаций, представляя, как рехнется от счастья эта девчонка, когда выяснится, что он не вурдалак и не бандит с большой дороги, а практически принц из сказки. Он проводит ее до дома и даже не станет претендовать на благодарность. Сегодня не станет, поскольку, узнав, где живет глупышка, за вознаграждением можно будет приходить в последующие дни, растягивая удовольствие. Образ Риточки потускнел в памяти, с ней пора было прощаться и двигаться навстречу новой любви. Нужно осчастливить своим вниманием еще столько женщин!

Парочка стояла друг друга. Коля наслаждался предвкушением быстрой победы над неопытной дурочкой, которую так легко можно купить красивыми словами и туманными обещаниями, а она, в свою очередь, посмеивалась над его наивностью и чувствовала себя Матой Хари на задании.

Николай придвинулся к Татьяне и притворно охнул:

– Да вы настоящая Златовласка! Принцесса, позвольте этой ночью быть вашим проводником? Такая красота не должна быть одинока в мрачных лабиринтах сумрачного города!

«Ну ты попал», – усмехнулась моментально успокоившаяся охотница и пробормотала: – А я могу вам доверять? Мало ли, что у вас на уме!

– Как вы могли подумать! – прогудел Коля, нависнув над вырезом и убедившись, что вид сверху ничем не уступает виду сбоку.

– Нет, я все-таки боюсь. – Татьяна изобразила внутренние метания честной девушки и подвигала белыми коленками.

Николай засопел громче, размышляя, не попробовать ли получить благодарность прямо сегодня. Уж больно аппетитно выглядело это ночное чудо, елозившее по скамейке полными бедрами и задиравшее юбку по самое некуда.

– Верьте мне! – Он взял ее за руку и обалдел от манящего тепла и мягкости Татьяниной ладони. Поскольку увлеченная высматриванием автобуса девушка не возражала против его поползновений, Николай уверенно добавил: – Иди сюда...

– Куда – сюда? – напряженно поинтересовалась Таня, сбив романтический накал диалога. – Я уже тут. Не трогайте меня, я девушка честная.

– Да я и не сомневался, – согласно закивал Коля, но руку он не только не отпустил, а перехватил повыше.

– Чего, замерзли? – снисходительно поинтересовалась Татьяна, на мгновение выпав из образа перепуганной студентки. Она решила, что сегодня Коля от нее просто так не уйдет. Она – не Маргоша и сумеет показать ему небо в алмазах. И удержать его тоже сумеет.

– Нет, это вы замерзли, и мне так хочется вас согреть. – Он продышал ей это прямо в ухо.

Татьяна с трудом отодвинулась от кавалера, сообразив, что еще не время и надо домариновать его до нужной кондиции.

– На что вы намекаете? Я боюсь. – Она потряслась всем телом, слегка напугав рыцаря бурной реакцией. – Я так странно себя чувствую.

– Это все ночь. Посмотрите, какие звезды. Я обожаю валяться в траве и смотреть, смотреть... Тогда они кажутся ближе, – намекнул Коля.

«Молчал бы уж, романтик», – развеселилась Татьяна, вообразив, как он стал бы объясняться с милицией, если бы стражи порядка обнаружили его лежащим ночью на газоне и лепечущим про красоту далеких звезд, и проговорила: – Я домой хочу.

– Так вы позволите проводить?

– А вы приставать не будете?

«Вот дуреха! Интересно, а сейчас я что делаю?» – подумал Коля, но разочаровывать девушку не стал: – Я не посмею! У меня и в мыслях нет!

Татьяна едва не расхохоталась, проследив траекторию его взгляда, терявшуюся в глубине выреза ее сарафана.

– Только руками меня не трогайте, а то я стесняюсь, – сообщила она и, как только Коля подтвердил, что и этого у него в мыслях тоже нет, немедленно споткнулась, едва не придавив его своим сочным телом.

– Вы ничего не сломали? – разволновался спутник, заботливо ощупывая девушку, начав осмотр почему-то сверху.

– Я же даже не упала, – неторопливо охладила его пыл Татьяна.

– Правда, – вздохнул Николай, спохватившись. – А нога не болит?

Он быстро присел и погладил ее колено. Если бы на Татьянинном месте была действительно скромная девочка-студентка, то она уже давно бы бежала от этого рыцаря, грохоча каблуками и визжа на весь квартал. Коля вел себя, как змей-искуситель. Но Татьяна, во-первых, преследовала определенную цель, а во-вторых, любому змею в нужный момент могла оторвать и хвост, и башку, и крылья. Поэтому она спокойно убрала ногу и, тихо ойкнув, сказала:

– Мне показалось, что по колену кто-то полз.

– Дайте я посмотрю! – Коля опять нырнул к подолу.

Поняв, что подобными темпами они до сеновала доберутся только к утру, Татьяна решительно пресекла его попытку поискать жука, который, судя по Колиным действиям, уже уполз куда-то к талии, и взяла его под руку.

– Можно, я буду за вас держаться? Дорога неровная. Только вы ничего такого не подумайте, я просто упасть боюсь.

– Да что вы, – обрадованно протянул кавалер и прижался к Татьянинному мягкому боку.

Из размытого света фонарей навстречу им двигалась парочка местных гопников. Один – с гитарой, другой – с нетерпеливо позвякивавшей внутренностями авоськой.

Коля заволновался. В принципе, бегал он быстро, однако важно было начать кросс вовремя, пока не накостыляли. Правда, его утешала мысль, что вряд ли мужики побегут за ним, скорее всего им будет вполне достаточно его спутницы. Жаль, конечно, бросать лакомый кусочек, но своя шкура дороже.

Почувствовав, как кавалер напрягся, Татьяна самодовольно решила, что он собирается, как лев, броситься на местных хулиганов, которые, кстати, один раз от местной красавицы уже получили так, что теперь вежливо здоровались при встрече и переходили на противоположную

сторону улицы. Сегодня Андрей с Владиком явно перебрали, поскольку в сумерках не признали королеву поселка и еще издали начали отпускать в ее адрес многообещающие шуточки.

– Ой, – тихо простонала Таня, – что делать?

Она покосилась на спутника. Ей очень хотелось красивой битвы на мечях, но ни мечей, ни доспехов ни у кого из присутствующих не было. Выражение лица Николая было сумрачным и решительным. Татьяна думала, что он собирается вступить в битву, а на самом деле Коля готовился к спринтерскому забегу в обратном направлении.

Остановил его разочарованный свист и печальный выдох Владика:

– Ексель-моксель! Танька! А мы-то обрадовались! Эх, не сложился сегодня день.

Андрей согласно гоготнул, и подвыпившие парни весело прочавкали мимо по жидкой грязи поселковой улицы, не став уточнять, чему именно они обрадовались: то ли возможности обчистить карманы припозднившейся парочки, то ли перспективе погонять городских по поселку.

– Дураки, вечно привязываются, – тихо произнесла Татьяна. – У нас тут ночью опасно очень. Если бы не вы, даже и не представляю, что бы было.

– Да уж, – покачал головой Николай, с трудом переведя дух. Опасность миновала, он снова воспрял и приосанился. – Ну и райончик у вас. Хорошо, что я вас одну не отпустил.

– Вы меня просто спасли, – прошептала Татьяна, плотно прижавшись к спасителю всеми пуговицами.

Пора было возводить Николая в рыцари и благодарить, пока он не вспомнил про свою порядочность. Хотя, по собственному опыту, Таня уже знала, что в любом самом порядочном и интеллигентном мужике живет элементарный самец, который в лучшем случае помучается по факту свершившегося моральными терзаниями, а в худшем – вообще посчитает, что это его подло обманули и соблазнили. После чего перешагнет эту печальную веху в своей биографии и весело почапает в светлое будущее.

Коля сглотнул и просипел:

– Может, посидим, на луну посмотрим?

Таня знала одно место, откуда ночью можно было увидеть луну с пользой для общего дела, – сеновал Анфисы Максимовны.

– Только без глупостей, – предупредила она Николая.

Тот уже совершенно перестал соображать и готов был пообещать все, что попросят. Окончательно его добило заползание на сеновал по шаткой лестнице, причем Татьяна поднималась впереди, словно баба на чайнике надевая Коле на голову подол сарафана. Когда парочка наконец попала наверх, оказалось, что сарафан Татьяны почему-то расстегнулся, и она, смущенно ойкая, попыталась его застегнуть. Коля галантно предложил помочь...

Такой умопомрачительной ночи у него еще не было. Утром Таня пустила слезу по поводу поруганной девичьей чести, но Николай клятвенно заверил, что отныне они – единое целое, жить будут долго и счастливо и умрут в один день.

– У тебя никого нет? – умоляюще спросила она на прощание.

– Только мама, – честно ответил Коля.

Маргоши в его жизни действительно уже не было. Или почти не было: у нее оставалось чуть больше недели для последнего затухающего аккорда Николенькиных чувств.

Рита изгрызла целую пачку карандашей, украсив их множеством глубоких вмятин и испачкав зубы мелкой разноцветной трухой, но так и не сумела успокоиться. Светлое будущее, едва замаячившее на горизонте ярким солнечным диском, дало трещину, будто перегретая весенняя сосулька, после чего с грохотом обвалилось к Маргошиным ногам. Коля встретил ее у института после последнего экзамена, но вместо феерического праздника огорошил девушку сообщением, что срочно отбывает в экспедицию на Север.

– А на сколько? – дрогнувшим голосом спросила Маргоша, пытаясь осмыслить величину свалившегося на нее несчастья.

– На год, – с мужественной печалью в голосе обронил Коля, продемонстрировав убитой горем Маргоше свой суперменский профиль и пронзив голубую даль орлиным взором. Видимо, мыслями Коля уже находился среди сугробов и белых медведей, на Маргошины причитания реагировал вяло и не по теме.

– Я буду тебя ждать, – трагически прошептала она, с трудом собрав в кучу мысли, разбегающиеся, словно муравьи из горящего муравейника. Ждать не хотелось, а хотелось любить сейчас, когда экзамены позади, а впереди жаркое лето, веселые пляжи и романтические звездные ночи. Маргоша даже ощутила какую-то необъяснимую обиду на любимого, подло испортившего ей лето своей северной командировкой. – Адрес оставишь?

– Не могу, – виновато качнул белобрысой челкой Николай. – Не имею права.

– Как же так? – растерялась Маргоша и вдруг сварливо поинтересовалась: – А женщины там будут?

– Нет, конечно. Что им там делать?

– А кто же будет для вас готовить? – проявила бдительность Маргоша.

– Никто, – легкомысленно махнул рукой Коля. – Вся еда из тюбиков, как у космонавтов.

– А чистая одежда тоже из тюбиков? – не сдалась бросаема на целый год невеста.

– Ты мне что, не доверяешь? – Коля перестал оправдываться, поскольку фантазия неожиданно зацепилась, как крючок за старую корягу, и равнодушно затихла, оставив завравшегося хозяина в одиночестве.

– Я не хочу оставаться одна на целый год, – всхлипнула Маргоша.

– Ничего, ты еще молода. Найдешь хорошего человека... Вспоминай обо мне иногда, малыш. – Николай изобразил суровую мужскую грусть и собирался уже отчалить за горизонт, но Маргоша пожелала уточнений.

– Я не поняла, ты что, не вернешься? Мне никто не нужен, я тебя люблю. Что я – год не подожду? Подожду. Или ты считаешь меня настолько ненадежной?

Иногда подобные прощальные сцены вселяли в любвеобильного Николая подозрение, что все бурные ночи и дни, подаренные ему очередной красоткой, не стоят той отвратительной нервотрепки, которая начинается при попытке отделаться от цепкой барышни, наострившей лыжи в сторону ЗАГСа. Однако уйти нужно было красиво и твердо, чтобы оставляемая на милость судьбы несостоявшаяся невеста не предпринимала попыток догнать и вернуть уплывающее из рук сокровище.

Рита заплакала, привлекая к своей мелкой трагедии внимание окружающих. Ей было чрезвычайно жаль себя и пропавшее лето: не жена, не вдова, а не пойми что.

Николаю пришлось доволочь убитую горем барышню до дома и, изобразив крайнюю степень страдания по поводу предстоящей разлуки, шлепнуть себя дланью в грудь, шумно вздохнуть и стремительно покинуть девицу, пока она увлеклась собственными переживаниями.

Когда Маргошу осенила умная мысль, что можно пожениться до отъезда и, взяв в институте академический отпуск, последовать за любимым, как за декабристом в качестве жены, поделиться ею уже было не с кем. Николай исчез, оставив на память лишь терпкий запах пихтового одеколona. Через мгновение теплый порыв ветра отобрал у Маргоши и это призрачное напоминание о первой любви.

– На Север? – удивленно подняла брови Татьяна. – А что он там делать будет?

– Не знаю, – безжизненно прошептала Маргоша. – Он не сказал.

– Я думаю, что ждать его незачем, – осторожно подсказала Соколова, с трудом скрывая радость от услышанного. Теперь Коля принадлежит только ей. А как красиво он отделался от этой курицы! Кстати...

– Ты хоть знаешь, где он живет? – строго поинтересовалась Таня.

– Нет. Как-то не получилось спросить.

– Ну хорошо, а где работает? Вообще, что ты о нем знаешь?

– Ничего-о-о-о! – разрыдалась Маргоша, уткнувшись личиком в худенькие коленки. – Вдруг с ним там что-нибудь случится, а я же даже не узнаю!

Она отчаянно всхлипнула и вдруг с оскорбленным видом повернулась к Татьяне:

– Представляешь, я, может, всю жизнь его ждать буду, а он там на эскимоске какой-нибудь женится или, наоборот, в сугробе замерзнет! Свинство!

– Да уж, – немедленно согласилась Татьяна. – Забудь его лучше, найдешь другого.

– Не хочу другого, я его люблю, – вернулась к образу брошенной возлюбленной непостоянная Маргоша и снова принялась жалеть себя.

Когда она вдоволь настрадалась, Татьяна решительно произнесла:

– Ты вот что... Не приходи пока ко мне, у нас ящур в поселке. Я сама к тебе стану забегать.

При слове «ящур» Маргоша немедленно представила чудовищную помесь варана с динозавром, ползающую по колдобинам поселковых улиц, подволакивающую жуткий пупырчатый хвост и лязгающую зубами, с которых капает ядовитая слюна.

– А что это?

– Кошмар, лучше тебе не знать, – безапелляционно отрубил Татьяна, а Маргоша опасно оглянулась.

– Придешь домой – руки помой с мылом и дыши тут только с закрытым ртом, – добила ее Соколова, после чего Маргоша, тихо пыхтя сквозь зубы, молниеносно попрощалась и испуганным сайгаком понеслась домой.

Чтобы Николай и от нее не уехал в дальнюю командировку за Полярный круг или на экватор, Татьяна при следующей встрече, едва он заснул, выудила у него из кармана пропуск и старательно переписала название НИИ, в котором он работал. К сожалению, паспорта у него при себе не оказалось.

Погруженная в печальные мысли, наглыми термитами пожравшие все радостные краски наступившего лета, Маргоша чуть не пропустила мамин день рождения. Светлане Федоровне исполнилось сорок три года, то есть никакого громкого юбилейного торжества не планировалось, тем не менее родители начали готовиться к празднику загодя. Примерно за месяц до события, когда роман с Колей только начинался, о чем, естественно, никто не знал, мама многозначительно пошевелила бровями и страшным шепотом сообщила папе, разламывавшему с паяльником в руках очередной старый приемник:

– Ты в курсе, что дочери уже восемнадцать?

– Угу. – Папа хищно ткнул паяльником в вонючую кучку мелких огрызков неизвестного назначения и сдвинул очки на кончик носа.

– И какие у тебя мысли по этому поводу?

– Разные.

– А именно?

– Угу.

– Сейчас я весь этот хлам вынесу на помойку, где ему самое место! – тихо рявкнула Светлана Федоровна. – Отвлекись от своего идиотского хобби и вернись к людям. Дочери замуж пора.

– Она что, уже кого-то приводила знакомиться? – Виктор Степанович озадаченно сморщил лоб: ему стало ужасно неудобно от мысли, что он умудрился пропустить столь важное мероприятие. Никаких воспоминаний по этому поводу в его лысой голове не возникло.

– Поздравляю, – скептически процедила мама. – У тебя мозг скоро окончательно разгладится и заблестит, как твоя плешь! Если постоянно пить или паять, то можно и собственные похороны проворонить! Где были мои глаза, когда я вышла за тебя замуж? Кстати, об этом и речь!

– Мы разводимся? – выдал свою обычную шутку Виктор Степанович, наплевательски относившийся к вечным придирам жены.

– Я потом посмеюсь, – злобно толкнула его Светлана Федоровна и решительно вырвала из рук паяльник. – Чтобы Рита не повторила мою ошибку, мужа ей должна найти я!

– Я ее отец, – напомнил жене слегка прибалдевший от незнакомой темы супруг. – Так что твою ошибку она гарантированно не повторит.

– Сейчас как дам паяльником, остряк трухлявый!

– Он горячий. А мы с тобой ровесники, между прочим.

– По уму я тебя уже давно обогнала, а вот по степени замшелости ты давно впереди планеты всей! – оскорбилась Светлана Федоровна.

– То есть я в плесени, а ты в маразме? – хихикнул Виктор Степанович.

– Сейчас дошутишься! – угрожающе надвинулась на него жена.

– Все, все, рыбка моя, – сдался хилый супруг, находившийся с женой в разных весовых категориях, как кузнечик с бройлером.

– Так ты согласен?

– На все, – подобострастно закивал Виктор Степанович, не рискнув уточнять, с чем именно он должен согласиться.

Через минуту ситуация прояснилась окончательно: деятельная Светлана Федоровна, побоявшись, что дочь в качестве зятя может привести нечто непотребное, не стала тянуть до последнего, то есть до наступления у неразумного дитяти влюбленности, а задумала подсушить Риточке уже подготовленного к браку и тщательно проверенного юношу. После длительных поисков выяснилось, что муж одной из ее знакомых семимильными шагами пронесся по карьерной лестнице и в настоящий момент является жирной и аппетитной шишкой на пушистой исполкомовской елке. У четы подрастал отпрыск одного с Риточкой возраста, поэтому предприимчивая Светлана Федоровна немедленно восстановила старые связи и пригласила подругу вместе с мужем и сыном на свой день рождения. Будущая свекровь тоже подготовилась к сватовству страшными рассказами про ушлых лимитчиц и прочих малопорядочных барышень, прибирающих к рукам чужих сыновей с целью оторвать у семьи кусок жилплощади и испортить хорошему мальчику жизнь. Найдя общий язык, мамы решили обставить знакомство как случайную встречу.

– Я не понял, тебе мое согласие надо? – изумился Виктор Степанович. – Они же еще не познакомились, а я их уже благословлять должен?

– Да кому нужно твое благословение, пень старый? – в сердцах крикнула Светлана Федоровна. – Размечтался! Мне надо, чтобы ты не нажрался, как обычно, и не испортил детям знакомство. А то начнешь опять буяннить, все отвлекутся на тебя, идиота, и ничего не получится!

– Можно подумать... – с обидой начал супруг, но продолжить мысль не успел.

– Можно, можно подумать! – гаркнула Светлана Федоровна и потрясла у него перед носом гладким круглым кулаком. – Про тебя не только подумать можно, по твоей наглой морде и по сизому носу всю твою бутылочную биографию прочитать можно! Только попробуй дочь опозорить!

– Да не шуми ты, не буду я пить. Понял все.

– Ну гляди, если не понял! – Розовый кулак опять демонстративно проехался вблизи его поникшего профиля.

Виктор Степанович дождался, пока жена выйдет из кухни, приник к холодильнику, вытянул из пыльных глубин за холодильникового пространства плоскую фляжку, с наслаждением сделал пару глотков и, крякнув, тихо прошептал сам себе:

– Не дай бог никому такую тещу!

Подумав, он отхлебнул за здоровье будущего зятя, который не подозревал, какое страшное будущее его ждет, и торопливо спрятал фляжку. По коридору тяжело прошагала супруга. Шумно втянув носом воздух, она с сомнением посмотрела на деловитого мужа, копающегося в разобранном приемнике.

– Что это за запах?

– Не чувствую. – Он тоже старательно пошмыгал и даже усердно покрутил головой. – Может, канифоль?

Светлана Федоровна еще раз принялась и удалилась, недовольно бормоча что-то себе под нос.

Боря Осинский пил с друзьями пиво и не догадывался о грядущих в его жизни переменах. Папина должность позволяла ему беззастенчиво балбесничать и в школе, и в институте, куда его зачислили автоматом, не потребовав со стороны юного абитуриента хотя бы минимального подтверждения полученных в школе знаний. Высокий, тщедушный, с редкими жалкими усиками и густой копной выющихся смоляных волос, Боря шагал по жизни гордым журавлем, задрав голову и перешагивая через окружающих тощими длинными ногами. Все проблемы, возникавшие на его пути, решали папа с мамой, причем делалось это в предельно сжатые сроки, поскольку с детства у Борюсика находили всяческие болячки, из-за которых ему было противопоказано то нервничать, то перенапрягаться физически, то вдруг выяснялось, что ему необходимо ослабить нагрузку в школе. Он был единственным и чересчур любимым сыном, что давало ему возможность помыкать ослепшими от избытка чувств родителями. Поскольку Боря был всегда одет лучше всех и обеспечен аппетитными суммами на карманные расходы, то недостатка в друзьях и девушках он тоже не испытывал, искренне считая, что окружающие любят его за то, что он есть. А он благосклонно осчастливливал желающих своим вниманием.

Ничего этого Маргоша не знала, не подозревала и о должности и состоятельности его папы, поэтому появление в коридоре их квартиры импозантного юноши не произвело на нее впечатления. Она еще не вышла из роли принцессы в башне, ожидающей возвращения возлюбленного, и мужчины ее не волновали.

Боря, недоумевавший, зачем родители вытащили его на этот непонятный сабантуй, и тяготившийся предстоящим сомнительным развлечением, при виде Риты оживился и подумал, что все не так плохо, как казалось утром. К его огромному удивлению, девушка не строила глазки, не кокетничала, и, похоже, вообще не интересовалась им как кавалером. Это было обидно и разбудило в Боре охотничий азарт. Обычно девушки из его окружения реагировали на комплименты живее и буквально вешались на шею, отталкивая друг друга, а эта хрупкая брюнетка лишь вежливо улыбалась и отодвигалась от него. Боря не привык к отказам, все известные ему комплименты были дежурными и пресными, как диета язвенника, поскольку девушки не требовали красивых слов, предпочитая действие. Но в условиях празднования дня рождения, приближенных к боевым, ни о каком действии не могло быть и речи, а словарный запас выручал плохо.

Вскоре Светлана Федоровна поняла, что неподготовленная к сватовству Маргоша старательно избегает кавалера. Она шарахалась от нависавшего над ней Борюсика, как муха от свернутой в трубочку газеты, – отчаянно и целеустремленно. При этом сам кавалер был заинтересован в сближении.

– Рита, обрати внимание на Борю, – прошептала мама, выбрав подходящий момент и поймав метнувшуюся из гостиной дочь за подол.

– Уже обратила. Они скоро уйдут?

– Ты знаешь, кто его отец?

– Вроде вон тот седой мужик в сером костюме.

– Именно. А ты знаешь, что он работает в горисполкоме?

– Нет. А нам какая разница? Ой, мама, – внезапно дошло до Маргоши, – это его для меня привели? Кошмар!

– Почему кошмар? – обиделась мама. – Блестящая партия для тебя! Квартиру ему пробыют, дача, машина и сплошные перспективы! Мы на старости лет с отцом голодать не будем.

– Он противный, я не...

– Противным может быть инженер в засаленных штанах и дырой в кошельке. Но ты это поймешь, когда повзрослеешь. А пока поверь мне на слово: лучшего жениха тебе не найти. Тем более что ты ему приглянулась.

Маргоша удивленно уставилась на Борю: он был полной противоположностью ее горячо любимому Николаю, а потому никоим образом не мог заинтересовать предполагаемую невесту.

– Я выйду замуж только по любви, – заявила Маргоша и строго посмотрела на маму.

– Замуж, – хмыкнула Светлана Федоровна. – Во-первых, тебя еще никто не зовет, а во-вторых, умные женщины выходят замуж по расчету. По любви, дорогая моя, только кролики женятся!

– Интересно, – попыталась уличить маму Маргоша. – А ты что, тоже за папу по расчету вышла, или ты себя умной не считаешь?

– Я просчиталась, – печально кивнула мама. – И вообще, раньше времена другие были, а сейчас: кто успел, тот и съел! Не успела – ходи голодная. Кстати, расчет любви не помеха.

Этим туманным наблюдением Светлана Федоровна закончила свое выступление и подтолкнула Маргошу к перспективному кавалеру.

«Ни за что!» – решила Риточка и с гордо поднятой головой прошагала мимо удивленного Бориса, надеявшегося, что после материнского напутствия до девицы наконец дойдет, как надо себя правильно вести. В отличие от Маргоши он сразу понял, зачем его сюда притащили, и хотел выжать из ситуации максимум пользы. То, что барышня упрямится, даже интересно, жаль только, что пари заключить не с кем.

– Говоришь, папа исполкомовский? – Татьяна болтала ногами, с увлечением поедая фруктовое мороженое за семь копеек. Рита терпеть его не могла, поскольку его вкус напоминал ей насмерть замороженный приторный фруктовый сироп. – Тебе не нравится? Бери, пока дают.

– Я же Колю жду, – напомнила Маргоша, многозначительно подняв тонкие брови.

Татьяна, которая не далее как вчера организовала мнимому полярнику романтическое купание голышом при луне, удивленно открыла рот и уставилась на погрузневшую подругу.

– Ты серьезно? Да там, на Севере, знаешь, какие деньжищи платят? Не вернется он, не жди. Совсем рехнулась, такого мужика упускать. Всю оставшуюся жизнь в шоколаде будешь!

Таня на мгновение даже пожалела, что отбила у подружки научного работника, а не номенклатурного сынка, но вспомнила красивые Колины глаза, сильные руки и успокоилась. Баланс подарков судьбы строго соблюдался: вместо отбитого Николая Маргоша получила перспективного парня. Что ни делается, все к лучшему. Хотя на дне сознания у Тани ворохнулась ершистая мыслишка: почему так? Одним все, а другим – дырка от бублика. Почему она должна выцарапывать у жизни свое счастье, а Маргоше, которая и так плывет, как листок по течению, все само падает в руки? Вопрос был риторическим.

– Он вернется, – серьезно и убежденно проговорила Рита. – Он меня любит. Ты даже не представляешь, как сильно он меня любит.

Татьяна ощутила глухое раздражение: совесть снова толкалась и мешала есть мороженое.

Волна охотничьего азарта смыла Борю с пологого берега размеренной жизни и поволокла вдаль, царапая его нежное самолюбие о каменно-неприступную Маргошу. Из подарков девица брала только цветы, в кино ходить соглашалась, но любые Борины попытки продвинуть руку дальше подлокотника решительно пресекались. Прощались они как товарищи по партии, расходившиеся по домам после собрания подпольщиков. Боря держал ее за руку, пытаясь притянуть поближе, а Маргоша делала вид, будто не замечает его поползновений, и радостно трясла его конечность, благодаря за приятный вечер и сохраняя метровую дистанцию. Если бы не мамины вопли, то она вообще никуда с Борей не ходила бы, но Светлана Федоровна настолько мастерски закатывала скандалы, что Рита решила побережь свои и папины нервы, справедливо рассудив, что от походов в кино с нее не убудет, зато военные действия дома прекратятся, а буря превратится в штиль.

Борис Осинский не умел долго ухаживать. Причем не просто не умел, но и не хотел. Зато невозможность получить желаемое стимулировала его умственную деятельность, в связи с чем он дозрел до мысли начать атаку на Маргошу не с флангов, а с тыла. В богатом арсенале его друзей имелся Гоша, который при отсутствии прописки, жилплощади и прочих привлекательных для девушек моментов умудрялся быть обласканным самыми видными барышнями. Из этого можно было сделать вывод, что Гоша знает какое-то волшебное слово или носит на шее универсальную отмычку, которой поддаются все девичьи сердца. Выслушав путаное повествование уставшего от длительных и бесплотных ухаживаний Бори, Гоша почесал свой выдающийся нос, похожий на стоп-кран в поезде, и авторитетно сообщил:

– Боряныч, запомни! Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то путь к сердцу женщины – исключительно через ЗАГС. Это совершенно не значит, что ты должен жениться, но продемонстрировать серьезность намерений надо обязательно. Если твоя подруга изображает честную, просто подыграй ей. Такие бабы претендуют на то, чтобы загнать тебя в тихую семейную гавань, приковать многотонным якорем к теплему дну и обвешать детьми и проблемами. Намекни, что ты сам готов туда грести на предельной скорости и добровольно отдать свою молодую жизнь этой хищнице, чтобы она обгрызла тебя, как спелое яблочко, а из огрызка сделала компот длительного хранения.

Если раньше Боря не задумывался о женитьбе, то Гошин живописный рассказ убедил его в том, что ничего страшнее этого шага и быть не может. Ни одна юбка не стоила закатывания Осинского в компот.

Гоша поворошил короткие пегие вихры и выдал притихшему Борису следующие указания:

– Расскажи ей, что мечтаешь о ребенке, намекни, что твой идеал женщины – это полногрудая баба с ребенком у сиськи.

Гоша неожиданно мечтательно затих, видимо, представив себя на месте только что нарисованного младенца.

– Она, наоборот, маленькая, худенькая, без этого всего...

– Без всего – это плохо, – заметил Гоша.

– Нет, не совсем без всего, но...

– Понял, понял. На вкус и цвет товарищей нет. Тогда просто скажи, что она снилась тебе с младенцем на руках, и ты проснулся весь в слезах от счастья.

– Я не говорил, что она дура. Во всяком случае, не до такой степени, чтобы поверить в подобную ерунду.

– Боряныч, все они дуры именно до такой степени. Вот заначку найти или раскусить, с кем ты ночевал на прошлой неделе, – запросто, а когда им начинаешь вешать на ушки такую лапшу

– тают и слушают. Загадка природы. Главное, убедительно говорить, а не как на собрании. И обязательно скажи ей, что хочешь познакомить с родителями. Только помни: ни слова про свадьбу, чтобы потом она не смогла сказать, будто ты что-то обещал. Никаких конкретных обещаний, пусть все додумывает сама. Да, снилась, да, мечтаешь о семье, хочешь познакомить с родителями. Но это она будет думать, что пора покупать фату, а ты ничего такого не имел в виду. Поделился с девушкой сном, честно рассказал о планах на жизнь, а с родителями ты знакомишь всех своих друзей. Я вот тоже знаком с твоими предками, так что мне теперь, замуж за тебя проситься? Это дает тебе шанс оставаться в своих глазах честным человеком, а ей – учиться на собственных ошибках. Кстати, порепетируй мимику перед зеркалом, а то можно и наколоться, если опыта нет.

Нет на свете двух одинаковых женщин, нет и не может быть двух абсолютно похожих звезд, цветов или отпечатков пальцев. Всегда есть что-то, что их различает. Поэтому, несмотря на весь свой опыт в общении с противоположным полом, Гоша был неправ, пытаясь обобщить известные ему дамские ошибки и выведя этакий образ недалекой дурехи, которая уже вытащила из бабушкиного сундука пропахшую нафталином фату и полирует палец под обручальное кольцо. В двадцать лет жизнь кажется простой и понятной, друзья – непререкаемо авторитетными, а будущее – безоблачно чистым.

Уловив из разговора с Гошей умную мысль, что путь к Маргошину сердцу лежит через намек на женитьбу, Борис наметил тактику поведения. Он провел воображаемую пунктирную линию от желания завести семью до ЗАГСа, где эта линия делала опасливую петлю в сторону, и уткнув ее в пару краснощеких вопящих карапузов, олицетворявших тихое семейное счастье. Именно в соответствии с этим маршрутом Борис и собирался строить беседу.

Заведя Маргошу в дурманивший запахом цветов и свежей зелени парк, Боря усадил ее на лавочку и под романтическое пение соловьев начал пугать изумленную спутницу подробными описаниями своих сновидений. В том, что кавалер врет, Рита не сомневалась, но как понимать его намеки на ребенка, не знала. Никаких детей в восемнадцать лет она категорически не хотела. Если до этого момента Боря не нравился ей своей нахрапистостью и явным желанием ускоренными темпами залезть под подол, то теперь представлял реальную опасность, поскольку, оказывается, не просто хотел, как говорила бабушка, поматросить и бросить, а еще планировал сделать ей ребенка и затащить не только в постель, но и в ЗАГС. То, что хорошо для тридцатилетней разведенной и многоопытной женщины, которой уже нужен рукастый мужик с молотком, кошельком и без вредных привычек, для молоденькой девочки видится сплошным будничным кошмаром. Мечты юной невесты дальше красивой свадьбы и поцелуев под луной не идут, она даже не догадывается о бытовой стороне совместного проживания. Холодильник и стиральная машина воспринимаются исключительно как детали интерьера, а ведро с мусором вообще кажется эпизодом из прошлого. С момента свадьбы вся жизнь рисуется исключительно в розово-голубых тонах и совсем не такой, как у вечно спорящих и выясняющих отношения родителей.

Максимум, на что простиралась Риточкина фантазия, – поездка на юг и опять же романтика звездных ночей и красивый шум прибоя, причем с пока еще неразлюбленным Колей, а вовсе не со строившим матримониальные планы Борисом.

– Я хочу познакомить тебя с родителями. – Боря наконец-то добрался до кульминационного момента и выжидательно уставился на Маргошу, думая, что сейчас она восхищенно охнет и повиснет у него на шее или станет более сговорчивой.

Рита опасливо отодвинулась от валяжно раскинувшего по скамье свои грабли Осинского и осторожно напомнила:

– Я с ними вообще-то знакома. Вы к нам в гости приходили.

Боря покраснел. Каким образом этот немаловажный факт вылетел у него из головы, непонятно, но не сдаваться же из-за подобной ерунды.

– Я не в этом смысле, а в том плане, что ты поближе с ними познакомишься. Придешь, попьешь чайку, поговоришь.

– Зачем?

– Я всегда приглашаю домой дорогих мне людей, а мои друзья – это друзья моих родителей. Разве у вас дома не так?

Рите стало ясно, что отделаться от приглашения не получится, поэтому она вынуждена была согласиться.

– Тогда давай прямо сейчас! – обрадовался Боря, сразу просчитавший, что ни отца, ни матери в этот момент дома нет, что и выяснится по факту прихода в квартиру. А там уже как повезет. Возможно, этой несговорчивой девчонке будет достаточно одного того, что ее причислили к дорогим ему людям и вознамерились ввести в круг особо приближенных. Хотя следов восторга или хотя бы благодарности на ее хорошеньком личике не наблюдалось.

– А что, твои родители не работают? – насмешливо спросила Рита, моментально раскусив коварный план ухажера.

– Риточка, пока доедем, пока воду в чайнике вскипятим, они и вернутся, – не сдался Борис.

Посмотреть, как живут сильные мира сего, очень хотелось, к тому же вряд ли парень рискнет делать детей прямо на дому, непосредственно перед приходом родителей.

Странно, но, к искренней радости Маргоши и к безграничному разочарованию Бориса, отец оказался дома. Леонид Владимирович шуршал в кабинете какими-то бумажками и возмущенно кричал в телефонную трубку, употребляя весьма витиеватые и оригинальные выражения.

– Папахен пашет на благо родины, – расстроено прокомментировал непечатные тирады Боря.

– Ну что? – мстительно поинтересовалась Маргоша. – Чайник ставить будем?

– А как же. Сейчас все организуем, – не унывал Боря, решивший подкупить гостью великолепием квартиры. – Но для начала я устрою тебе экскурсию по нашим апартаментам.

Если раньше Маргоша наплевательски относилась к материальным благам, то эти десять минут перевернули ее мировоззрение на сто восемьдесят градусов, подвесив вверх ногами и потряхивая податливый мозг, чтобы ежедневно вбиваемые мамой мысли о перспективности жениха плотно улеглись в Маргошиной голове и совпали с траекторией ее извилин. Она попала в сказку, недоступную и неведомую по тем временам абсолютному большинству наивных строителей социализма. Все это можно было презрительно отвергать ровно до тех пор, пока не появлялась возможность потрогать своими руками и увидеть своими глазами. На фоне импортной мебели и сантехники Боря не стал ближе или симпатичнее, но процесс взросления пронесся по Маргошиному организму, словно химическая реакция у двоечника-экспериментатора. Романтический образ Коли слегка померк, затуманенный блеском финских смесителей и чешского хрусталя.

Леонид Владимирович вышел к гостье поздороваться, придирчиво оглядел ее и благосклонно согласился попить с молодыми людьми чаю. Посокрушавшись, что Анна Яковлевна лишена чести пообщаться со столь милым созданием, он даже вышел в коридор, желая проводить раскрасневшуюся от впечатлений Маргошу, и по-родственному чмокнул ее в щеку.

– Ты понравилась отцу, такое редко бывает, – польстил ей Боря, когда они уже подходили к Маргошиному дому. – А мне можно тоже поцеловать тебя? По-дружески?

Рита машинально подставила ему щеку, думая о чем-то своем. Не ожидавший подобной покладистости, Борис обрадованно начал обслюнявливать доступные части тела и даже попытался подключить к процессу руки, когда Рита вдруг очнулась и резко отпрянула от него.

– Ну что опять? – раздосадованно поинтересовался он.

– Не сегодня, – туманно пояснила Маргоша.

– А когда? – не унимался Боря, пытаясь напоследок хотя бы частично продолжить инвентаризацию недоступного имущества.

– Не все сразу, – неуверенно произнесла Рита, не понимая, что именно она имеет в виду. Единственное, чего ей хотелось, это немедленно отделаться от прилипчивого кавалера и додумать свои умные мысли в одиночестве.

– Тогда завтра, – потребовал Боря.

– Завтра, завтра, – торопливо подтвердила она и махнула рукой на прощание, скрываясь за тяжелой дверью подъезда.

Осинский-старший задумчиво курил, расчистив стол и барабаня пальцами по пустой полировке. Едва услышав щелчок замка и голос сына, напевавшего нечто бравурное, Леонид Владимирович позвал отпрыска в кабинет.

– Если я правильно понимаю, эта очаровашка – дочь маминой подруги, этой... как ее... Светланы Федоровны, у которой мы были на дне рождения?

– Да. – Борису не хотелось обсуждать с отцом свои далеко не джентльменские планы в отношении Риты. Он никак не рассчитывал, что очередная его гостья, одна из многих, вдруг станет темой для беседы на воспитательные темы. А судя по выражению лица главы семьи, это была именно воспитательно-профилактическая лекция.

– Что у тебя с ней?

– Ну... – Борис попытался изобразить нечто самодовольно-хвастливое, но под мрачным взглядом отца смешался и честно ответил: – Пока ничего.

– Вот и отлично. Она тебе не пара. Тем более, зная твои донжуанские замашки, хочу предупредить: она дочь маминой подруги, поэтому последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Нам не нужны проблемы. Я достаточно доходчиво объясняю?

– Я уже вполне взрослый... – запальчиво произнес Боря, но его патетику немедленно, словно комара струя дихлофоса, сбил вопрос Осинского-старшего:

– Ты, кажется, хотел «Жигули» покупать?

– Да. – У Бори сперло дыхание, и сердце начало биться так медленно и тяжело, что пульс перебрался в уши и принялся оглушительно шлепать по барабанным перепонкам.

– Так вот: брось девчонку и займись автомобилем. А я помогу, если будешь правильно себя вести.

Вопрос к обоюдному удовлетворению сторон уладили раз и навсегда.

Татьяна лежала на блеклом байковом одеяле, подставив солнцу гладкую розовую спину, и слушала плеск воды. Рядом растянулся Николай. Он лениво жевал длинную сочную травинку и сквозь прикрытые ресницы бездумно смотрел на противоположный берег реки. День клонился к вечеру; отпускники, не набравшие денег на поездку на юг, уже потихоньку расходились по домам мазать обожженные части тела сметаной и отдыхать от дневной жары. пляж медленно пустел, постепенно натягивая на раскаленные камни легкое покрывало вечерней прохлады.

– Какие у нас планы? – довольно потянувшись, спросила Татьяна. Она подкатилась к задремавшему Николаю и пощекотала его свежесорванным листком подорожника.

– Вот сейчас все расплзутся, и будем планировать, – не открывая глаз, пробормотал размякший кавалер. Судя по голосу, его так разморило от жары, что планировать что-либо он не собирался.

– А публика не торопится к домашнему очагу. Может, разгонишь? – пошутила Татьяна, любуясь матовым блеском Колиного накачанного тела. Он невнятно промычал что-то и перевернулся на живот. Спина тоже была рельефной.

– А я беременна, – без перехода сообщила Таня будничным тоном, с деланным равнодушием глядя в его белокурый затылок. Внутри у нее все клокотало от страха: от того, что он сейчас ответит, зависит ее дальнейшая жизнь.

Эту новость она носила в себе уже больше недели. Случившееся не стало для нее неожиданностью. Более того, будучи крайне практичной и неглупой девицей, Татьяна с первой же минуты поняла, что за ветреного Николая ей придется бороться, если она не хочет, чтобы он бросил ее, как Риту. Удержать его ежедневным кувырканьем на сеновале, не имея на руках никаких иных козырей, кроме роскошной фигуры и длинных русалочьих волос, было невозможно. Денег, квартиры и перспектив у Тани не имелось. После своего института культуры она могла стать только библиотекарем, высокие должности ей не светили, а с комсомольской работой не ладилось, так что пробиться по партийной линии тоже шансов не было. Несмотря на житейскую смекалку и трудное детство, рационализм Татьяны в случае с Колей дал сбой. Она наивно решила, что Николай не просто бабник, а мужчина, находящийся в поиске своего идеала. Опрометчиво посчитав себя искомым идеалом, Татьяна полагала, что сообщение о беременности любимой девушки молодой отец воспримет с радостью. Она думала, что Николаю нужен легкий толчок в правильном направлении, чтобы он наконец принял единственно верное решение: догадался жениться на мадемуазель Соколовой. А что, как не грядущее рождение нового члена общества, может заставить оцепенеть готовящегося сбежать мужика и навсегда спеленать его узами брака? Под слишком высокую стену можно сделать подкоп, а через очень глубокий ров перебросить мост. Безвыходных вариантов нет. Поэтому Татьяна в первую же совместную ночь под молодецкий храп Ромео старательно поработала иглой над его «пулеметной лентой» из презервативов. Через пятнадцать минут все «патроны» у революционного матроса Коленьки были холостыми.

То, что Татьяна расценивала как легкий толчок, для Николая оказалось сродни удару груженого «КамАЗа», который не просто наехал на потерпевшего, но еще и присыпал его кирпичами. Он перестал дышать и напрягся, боясь обернуться и переспросить.

– Этого не может быть, – просипел наконец едва живой от переживаний Коля.

– Может, может! – счастливо воскликнула будущая мать, решив, что столбняк хватил любимого от радости, а не по какой-либо иной причине.

– Нет! – рывкнул пришедший в себя Коля. – Я всегда предохранялся! Это не мой ребенок!

– Коленька... Ты что? – пролепетала шарахнувшаяся от его вопля Татьяна. – Да у меня кроме тебя... Ты что, не рад?!

Этого она могла бы и не спрашивать. Судя по пятнистой физиономии ошарашенного папаши, обрадовать его могло только одно: если бы любимая девушка сейчас лопнула в воздухе, как мыльный пузырь, не оставив о себе и о своей беременности никаких воспоминаний.

Маргоша тоскливо разглядывала отчаянно благоухающую герань, листья которой частично перекрывали вид на улицу. Сквозь матовую зелень робко просачивались тонкие лучи солнца. Они жизнерадостно ползали по подушке и щекотали мокрую Маргошину щеку. Зареванная Маргоша, словно выброшенная на берег рыбина, горестно лежала пластом на кровати и думала о собственных похоронах. Она уже устала плакать и лишь шмыгала носом. Голова болела, влажная подушка раздражала, а жизнь укатилась под откос, как мятая консервная банка. И не просто банка, а темно-желтый кривой блин из-под шпрот, который противно взять в руки. Пронзительная жалость к себе не давала возможности сосредоточиться и начать искать выход из тупика. Хотелось так и пролежать остаток жизни на горячей от летнего солнца простыне, а потом плавно перейти к этапу пышных похорон. По самым скромным подсчетам, до

скорбной церемонии оставалось много десятков лет, поэтому ожидать в ближайшем будущем сочувствия, оплакивания и соболезнующей толпы у гроба не приходилось. Кроме того, в трагическую картину погребения стали вплетаться раздражающие бытовые детали. Пышное белое платье, в котором, по замыслу страдающей Маргоши, ее должны были хоронить и на которое должны были падать горькие слезы раскаявшегося Николая, никак не влезало в гроб, а уминать кружевную пену роскошной юбки казалось неэстетичным. Серdito вытерев остатки слез, Маргоша резко поднялась и зло поджала губы.

– Небось ездит там на собаках по сугробам и в ус не дует, – яростно пробормотала она, ткнув кулачком ни в чем не повинную подушку. – А мне что делать? Что мне делать-то...

Сердце тоскливо сжалось. Слез уже не было, остался только холодный липкий ужас свершившегося и ощущение абсолютной безвыходности.

– Ты что, совсем дура? – орала Татьяна, метавшаяся по комнате, как муха в сачке. – Ты же говорила, что ничего не было! Я тебя предупреждала! Идиотка! Что ты натворила!

– Не кричи на меня, – заревела Маргоша. – У него были презервативы! Ничего не должно было случиться!

– Должно, не должно, – уже тише проговорила Соколова, стараясь придавить чувство вины, извивавшееся, словно выползший на асфальт дождевой червяк: она вспомнила, как с азартом тыкала в пресловутые средства защиты иглой. Так кто ж знал, что эта дурища, забыв про свое хорошее воспитание, выкинет подобный фортель?

– Как мне его найти? – ныла Рита. – Надо, чтобы он срочно женился, пока живота не видно. Он же не знает, что я этот год, пока он там снеговиков лепит, ждать не могу.

– А ты уверена, что он захочет жениться? – осторожно, но с долей ехидного превосходства охладила ее пыл Татьяна.

– Он меня любит.

– Любить и жениться – два совершенно разных действия. Скажу больше, любить – это действие, а жениться – противодействие. Мужчины предпочитают свободу.

– А чего ж тогда они все женатые и с детьми? – всхлипнула Маргоша.

– Это те, кто не сумели убежать в леса, – со знанием дела сообщила Татьяна. – Прimitives особи, пойманные нами, женщинами, для продолжения рода. Мужики – это, знаешь ли, такой вид, который размножается только в неволе.

– Хватит придуриваться. В данный момент размножаюсь я, – разозлилась Рита. – А я тоже хочу размножаться в неволе, со штампом в паспорте и после свадьбы. Что мне делать-то? Может, в адресный стол обратиться?

– Обращись, – кивнула Таня. – Тебе известны его данные?

– Вот сейчас пойду и утоплюсь, – мрачно прокомментировала ее вопрос Маргоша. – Получается, что надо рожать без мужа и красиво ждать его возвращения с полюса.

– Если он вернется, – подлила масла в огонь Татьяна.

– Да, – сосредоточенно кивнула Рита. – Если вернется. А если нет, то что? Я – мать-одиночка? Мама будет в восторге.

Представив восторг Светланы Федоровны, девушки притихли.

– Надо это... того... удалить, – осторожно намекнула Татьяна, кровно заинтересованная в скорейшем разрешении проблемы.

Кроме того, муж-алиментщик терял половину своей привлекательности. То, что рано или поздно они станут с Маргошей врагами, сомнению не подлежало, но пока сохранялась возможность хоть как-то повлиять на ситуацию, это надо было использовать. Татьяна готова была оставаться порядочной и честной ровно до того момента, пока эти высокие качества не пересекались с ее собственными интересами. Она даже почувствовала какое-то кровожадное удовлетворение при мысли, что инфантильная подруга попала в такую дикую ситуацию, выкру-

титься из которой без последствий невозможно. На поверхности сознания, словно поплавок, болталась мысль: не все коту масленица. Хотя она сама находилась почти в том же положении, что и безалаберная Маргоша, но это «почти» кардинально меняло расстановку сил в борьбе за Николая. Татьяна знала, как и где его искать, а Маргоша лишь тоскливо смотрела в сторону Севера и кляла свою недалекость.

– Удалить, – сердито проворчала Рита. – Это зуб можно удалить. У стоматолога. А с этим куда идти? Не к врачу же!

– Я знаю одну женщину... – начала Татьяна, но Маргоша протестующе взвизгнула:

– Ни за что!

В течение следующего часа выяснилось, что Рита является категорической противницей подпольных абортов, а поскольку в ее случае легально эту процедуру провести по закону было нельзя, ситуация вошла в штопор и на предельной скорости неслась к плачевной развязке, пачкая окружающую действительность и Татьянины планы черным дымом и копотью несбывшихся надежд. Соколова никак не рассчитывала, что подруга с упорством старого ишака станет отстаивать свое право на материнство.

Маргоша свято верила в возвращение Николая, пусть даже не через год, а через много лет. С точки зрения логики, поведение ее было очень глупым, как у гусеницы, решившей переползти оживленную магистраль в час пик. Легко быть инфантильной, сидя под крылышком у мамы, но, выйдя во взрослую жизнь, надо учиться правильно оценивать последствия своих поступков. Маргоша, пребывавшая в состоянии клинического детства, шлепала по жизни в домашних тапочках и с намертво налипшими на переносицу розовыми очками. Трезво смотревшая на это избалованное явление Татьяна тоскливо холодела от ужаса, сознавая, что просчиталась в отношении собственных перспектив. Многократно и тщательно продуманный маневр с порчей Колиных средств индивидуальной защиты имел эффект снежка, неосторожно взятого в опасном месте: лавина грядущих событий с угрожающим гулом двинулась на участников любовного треугольника. И уже ничто не могло ее остановить.

Чтобы не нервировать старушку-мать неожиданными последствиями своего нездорового кобелизма, Коля решил утаить от Елены Сергеевны новость об интересном положении своей очередной знакомой. Наобещав Татьяне всякой трогательной чепухи и объяснив, что сообщение о беременности было принято им в штыки по причине шока, а шок случился исключительно на радостях, Николай вознамерился навсегда исчезнуть из жизни сельской наяды. Совесть его не мучила, образы голодных оборванных детей и прочая сентиментальная дрянь не омрачали спокойного сна. Коля был уверен, что хваткая Татьяна найдет способ, как разобратся со своими неприятностями. И он был абсолютно прав, только правда, как часто бывает в жизни, оказалась не совсем такой, какой он представлял.

Коля благополучно забыл о пышнотелой девице с городской окраины и уже выцеливал новую жертву. Тем сильнее был его шок, когда однажды, вернувшись с работы, он столкнулся в собственной прихожей с румяной и довольной жизнью Татьяной.

Таня поняла, что будущий отец и от нее «уехал на Север», и очень расстроилась. Одно дело, когда любимый мужчина совершенно заслуженно бросает соперницу, сделав правильный выбор, и совсем другое, когда этот же возлюбленный снова ударяется в поиски идеала. Татьяна знала, что лучшей жены, чем она, у Коли просто и быть не может, но как объяснить это неразумному мужику, пытающемуся совершить сексуальную революцию на отдельно взятой территории?

Проворочавшись всю ночь в одиночестве и промучившись полдня от избытка планов, штурмовавших ее хорошенькую белокурую головку, словно мухи банку с вареньем, к пяти часам вечера Таня заняла наблюдательный пост у НИИ с непонятным и длинным названием,

на благо которого вкалывал ветреный Николенька. Проследив беззаботного героя-любownika до самого дома, в подъезд она заходить побоялась: лучше толкаться в метро среди десятков взмысленных горожан, чем дышать ему в затылок на лестничной клетке. Если уж готовить сюрприз, то по всем правилам, чтобы возлюбленный не успел отбиться от неожиданного подарка.

Напротив входа стояла кособокая лавочка, на которой скучала одинокая круглолицая бабулька, украшенная бородавками, точно перезрелый мухомор. Она сурово сдвинула брови и разглядывала незнакомую девушку, жуя дряблыми губами и явно подбирая слова для выступления. Татьяна ее опередила.

– Ой, простите, пожалуйста, – тихим тонким голоском проблеяла она. – Вы этого мужчину, который сейчас прошел, не знаете?

Бабка собрала губы в куриную гузку и едко выплюнула:

– Я тут всех знаю. А вот тебя впервые вижу! Ходят тут, вынюхивают, выспрашивают, а потом белье с веревок пропадает. Кусты вон все поломаны, подъезды загажены, мусор по улице мотается!

Татьяна, слегка обалдевшая от неласкового приема и обвинения в загаживании прилегающей территории, с трудом удержалась от пронзительного желания объяснить хамоватой старухе расстановку сил и заискивающе поддакнула:

– И не говорите. Моя бабуля тоже все переживает. То сирень у нее под окнами хулиганы обломают, то скамеечку изрисуют. Раньше такого не было.

Бабка, удивленная тем, что скандала не получилось, поморгала блеклыми глазками и сердито хмыкнула:

– А чего тебе от парня надо-то?

– Он из восемнадцатой квартиры? – спросила Таня.

– Эка, дурь какую спросила, – удовлетворенно откинулась на лавке старуха. – Из двести четырнадцатой он! А восемнадцатая в первом подъезде! Задницу отрастила так, что юбкой не прикрыть, а мозгов, что у комара! Нешто начальные номера в середине дома могут быть? И чему вас только учат...

Получив заветный номер квартиры, Татьяна моментально убрала с лица дурашливую покорность и, уперев руки в бока, обогатила старушкин лексикон неслыханными доселе конструкциями и оборотами, порадовав заскучившую бабку пищей для размышлений на остаток дня.

На следующий день, заплетая аккуратную косичку, украшенную пышным бантом, и надев платье в горошек, из которого она давно выросла и в котором походила на первоклашку-переростка, Татьяна отправилась покорять будущую свекровь. По замыслу невесты наряд должен был олицетворять чистоту и невинность, сигнализируя о ее детской непосредственности, неконфликтности и положительности. Как это обычно бывает, окружающие не проявили глубоких познаний в психологии и восприняли все превратно.

Пока Таня старательно входила в образ, хлопая глазками и трогательно улыбаясь, представляя первые минуты знакомства с новой родственницей, народ проявлял откровенную несознательность. Две прыщавые девицы противно хихикали, разглядывая ее немодный наряд, с трудом сдерживающий пышные формы. Противно пыхтящий толстяк, несмотря на обилие места в вагоне, терся рядом и внимательно изучал растянувшиеся на ее мощном бюсте голубые горошки. Его сопение настолько выбивало Таню из образа, что она перестала изучать собственное отражение в темном стекле вагона и вызывающе уставилась на мужика. Он радостно приткнулся к ней и запыхтел, как сбегающая на плиту каша. Татьяна нежно окинула его взглядом, приподнялась на цыпочки и прошептала ему на ухо перспективу развития их отношений, согласно которой по самым радужным прогнозам он оставался глубоким инвалидом, навсегда потерявшим интерес к женщинам. Толстяк с проворством голодного индюка, несущегося к кормушке, перебазировался в противоположный конец вагона.

Бородавчатая бабка, все еще пребывавшая под впечатлением вчерашней встречи, при виде Татьяны воодушевленно замотала головой, изображая приветствие. Соколова отвесила старухе ответный реверанс и скрылась в подъезде.

Двести четырнадцатая квартира располагалась на восьмом этаже. С трудом уняв бешеное сердцебиение, Таня нажала розовую кнопку звонка. За дерматиновой обивкой раздалась мелодичная трель, потом что-то прошуршало, и неожиданно резкий женский голос каркнул:

– Кого надо?

Татьяна представляла начало диалога несколько иначе. Усохшая Шапокляк с колючим взглядом, скукожившаяся в дверях, как кобра, готовая к броску, никак не располагала к позитивному общению. Это лишь усложняло ситуацию, но не делало ее тупиковой.

– Здравствуйте, – залучилась радостью Таня. – А Коля дома?

– Коля работает! – крикнула тетка и попыталась прищемить визитершу дерматиновыми воротами.

Татьяна проворно ввинтилась в стремительно сужавшуюся щель и улыбнулась:

– Тогда я его здесь подожду.

В принципе, можно было бы изобразить несчастную жертву и померзнуть некоторое время на шершавых ступенях гулкого мрачного подъезда, но вряд ли это растопило бы сердце неласковой родственницы, а мнение соседей, судя по боевому настрою, на нее вряд ли действовало бы. Поэтому к образу скромницы пришлось добавить комсомольский задор и напористость.

– Как думаете, – Соколова пошла ва-банк, – мне лучше у себя в районе на учет встать или у вас?

– В милицию или в психушку? – ядовито поинтересовалась тетка.

– В женскую консультацию, – гордо на всю лестницу оповестила ее Таня.

Вопреки ее ожиданиям, будущая свекровь не упала в обморок, не покрылась пятнами и вообще отреагировала на новость как-то неадекватно. Во всяком случае, ужаса или смущения в ее взгляде не наблюдалось. Создавалось ощущение, что она уже привыкла отбивать нападения беременных невест с мастерством опытного игрока в пинг-понг.

– Лучше у себя, – со знанием дела посоветовала без пяти минут бабушка. – У вас все или нужны еще консультации?

Она широким жестом привлекла внимание гости к распахнутой двери, радушно предлагая выматываться из апартаментов.

– А я считаю, что лучше у вас. – Строить из себя пай-девочку не представлялось возможным, поэтому Таня по-хозяйски пошла осматривать жилплощадь. Раз бабка по-хорошему не понимает, то надо ее запугать так, чтобы скандал без рукоприкладства показался мегере подарком судьбы.

Распахнув ближайшую дверь и по обилию вязаных салфеточек определив, что в этой комнате имеет счастье проживать маман, Татьяна радостно хлопнула в ладоши:

– О, а здесь у нас будет детская!

Елена Сергеевна оказалась крепким орешком.

– Мне милицию вызвать или сама уйдешь? – поинтересовалась она у старательно мечтавшей Татьяны.

Соколова уже успела пожалеть, что на знакомство с мамой выделила столько времени. До прихода Коли она могла и не продержаться: будущая свекровь демонстрировала редкостное упорство и партийную негибамость.

– Может, познакомимся? – миролюбиво предложила Татьяна, с наслаждением представив, как весело было бы погонять тетку по квартире шваброй или большой суповой кастрюлей.

– Обязательно, – немедленно согласилась оппонентка. – В отделении.

Почему-то тетку совершенно не волновали намеки на беременность визитерши. Похоже, она просто не верила в подобный вариант развития событий. Это было бы объяснимо, если бы Татьяна, например, была бы прыщавым юношей или столетней бабкой. Но почему хозяйка квартиры не допускала мысли, что ее сын может соорудить ребенка какой-нибудь симпатичной блондинке, было непонятно.

«Наверняка мамашка сама его презиками снабжает», – подумала Татьяна, вспомнив свой «швейный марафон».

Елена Сергеевна тем временем бдительно наблюдала за нахальной визитершей, раздумывая, как бы половчее спровадить самозванку из квартиры. В том, что девица врет, она ни на секунду не сомневалась, слишком непоколебима была ее многолетняя вера в качество изделий отечественной промышленности.

– Знаете, мадемуазель, – едко произнесла хозяйка, – что-то мне подсказывает, что вы ошиблись адресом.

– Это вы ошиблись в тактике поведения, – огорошила ее Татьяна, успевшая переместиться во вторую комнату и проверявшая на прочность пружины Николькиного дивана. Уверенно плюхнувшись на цветастое покрывало, она несколько раз подпрыгнула и удовлетворенно сообщила тихо закипавшей тетке:

– Нормально. Если Колян поубавит пыл, то мы тут и до старости проскачем.

– А ну выметайся отсюда! – не выдержала Елена Сергеевна и замахнулась жилистым кулачком.

Татьяна демонстративно подняла полные сильные руки и прошепелявила:

– Шдаюсь, ой шдаюсь! Штрашно до жути! Щас описаюсь. Ничего, что на диван?

Ровный глубокий загар, приобретенный на грядках, красиво оттенял плавные изгибы ее крупных рук, на фоне которых чахлые лапки хозяйки выглядели засохшими паучками на старой паутине. Но в борьбе за свободу сына Елена Сергеевна загнала логику, как таракана, в самый дальний угол и пошла войной на белобрысую интервентку, невзирая на существенную разницу в весовых категориях.

Татьяна окончательно укрепилась в мысли, что со свекровью ей не повезло, о чем и сообщила вслух задумчивым тоном:

– Хреновая из тебя свекровка будет, придется дурь выбивать, а то не уживемся.

То ли Елене Сергеевне не понравилась негативная оценка ее характера, то ли не приглянулась перспектива уживаться с Татьяной, а может, ее тонкую психику задело слово «выбивать», но она, недолго думая, схватила девушку за подол и потянула к выходу, поделившись, в свою очередь, личными впечатлениями от ее визита. Судя по эпитетам, мадам тоже была не в восторге от знакомства.

В результате выяснения отношений на повышенных тонах и нескольких попыток рукоприкладства Елена Сергеевна шустрой мышью умелась в ванную комнату, откуда и продолжила дискуссию через закрытую дверь. Ее зычный голос раздухарившейся вороной метался в вентиляционной шахте, пугая жильцов злобным эхом. Татьяна поддерживала в ней кипучий энтузиазм периодическими пинками ногой по косяку.

Елена Сергеевна с удивлением констатировала, что впервые в жизни спор заканчивается явно не в ее пользу. Более того, на одно ее слово приходилось десять слов соперницы, которая по результатам однозначно переорала ее по всем статьям. Ощущение поражения было незначимым и горьким, тем более что к общему негативу примешивалось еще и опасение, что девица может обворовать квартиру. Елена Сергеевна страшно переживала, что, положившись на свои силы, сразу не вызвала милицию. Теперь выйти из укрытия было боязно. Она притаилась в темноте и лишь изредка выстреливала в обидчицу гневными тирадами, заодно проверяя, кара-

улят ли ее еще или уже пошли искать захоронки, спрятанные под постельным бельем. Очередной удар по косяку и вялые реплики гостьи успокаивали.

Вскоре Татьяна устала поддерживать огонь войны. Она могла моментально отбрить словами так, что пострадавший еще долго ощупывал ущерб и избегал встреч с языкастой девицей, но долго сидеть в осаде Соколова не умела. Пора было заключать перемирие.

Татьяна встала с табуретки, заботливо подтащенной к дверям ванной комнаты, и включила пленнице свет. По извечному закону природы женщины друг друга не поняли. То, что Татьяна расценивала как демонстрацию доброй воли, Елена Сергеевна восприняла в качестве подготовки к штурму.

– Алле, – девушка осторожно поскреблась в дверь, – давайте хоть познакомимся. Меня Таня зовут.

– Очень приятно, – прошипела пленница и добавила несколько слов, сводивших на нет попытку примирения.

– Со мной лучше дружить, – пригрозила Соколова и подергала за ручку. Диалог через фанеру ее утомил.

Елена Сергеевна взвесила в руке внушительный кусок хозяйственного мыла, по внешнему виду и весу приближавшегося к кирпичу, и приготовилась метнуть его в обидчицу, если та рискнет вломиться в ванную комнату.

В замочной скважине поскребся ключ. Татьяна резко встала, оттащила табурет в кухню и двинулась в коридор, плавно покачивая бедрами.

По лицу Николая с топотом пронеслось стадо разномастных эмоций, но радости не наблюдалось. Он уставился на улыбающуюся Татьяну пустыми круглыми глазами, как окунь после бомбежки.

– А где мама? – обалдело прошептал Коля, понадеявшись на помощь родительницы. Явление беременной девицы, окончательно и бесповоротно вычеркнутой из его судьбы, было из области фантастики.

– В ванной комнате моется. – Татьяна указала в сторону удобств, и подумав, зачем-то добавила: – Испачкалась она.

– Испачкалась? – эхом отозвался Николай.

Он совершенно не понимал, как себя вести.словно зерна на мельнице, в его голове метались рассыпающиеся мысли: как она его нашла, что теперь будет, куда ее спроводить, почему мама молчит...

Ситуацию необходимо было задушить в зародыше, поэтому Николай решил выпустить на арену гвоздь программы и решительно дернул дверь, за которой пряталась «испачканная» мать. Хлипкий замочек моментально отвалился, и из распахнутых дверей ему в лоб прилетело нечто тяжелое, моментально погасившее свет и выключившее все посторонние шумы.

– Ребенка сиротой оставила, грымза безмозглая, – всхлипывал кто-то, сопровождая причитания густым шмыганьем.

Параллельно с рыданиями на Николая лилось что-то холодное и мокрое. Для слез жидкости было слишком много. Для соплей – тоже. Скорее всего его поливают, как увядший салат, чтобы вернуть к жизни. Возвращаться категорически не хотелось, поскольку он моментально вспомнил все, что предшествовало обмороку. Ему смертельно хотелось открыть глаза только после ухода наглой девицы. Однако рассчитывать на то, что она уберется восвояси, безропотно унеся плод любви, чтобы родить и воспитать его в одиночестве, не приходилось. Такие не бросаются на амбразуру, они затыкают вражеские бойницы телами соратников. Нет, ну как она его нашла?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.